

АЛЕКСИС ХОЛЛ

От автора бестселлера «Идеальный парень»!

18+

Звезды молодежной прозы

Алексис Холл

Розалина снимает сливки

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Coe) 44

Холл А.

Розалина снимает сливки / А. Холл — «Издательство АСТ»,
2021 — (Звезды молодежной прозы)

ISBN 978-5-17-149796-5

Чтобы выпечка получилась идеальной, необходимо следовать рецепту. Розалина всегда следовала правилам, ну... кроме того момента, когда бросила университет ради ребенка. Теперь ее зарплаты толком ни на что не хватает, а надежда исчезает быстрее, чем печенье, размоченное в чае. Но и в несладкой жизни Розалины намечаются изменения: ее взяли участницей в кулинарное реалити-шоу. Если она получит призовые деньги, то сможет обеспечить дочери жизнь, которую та заслуживает, поэтому Розалина намерена четко следовать инструкциям. Но между ней и желанной победой оказывается слишком много препятствий. Обходительный, хорошо образованный Ален – как раз одно из них. Еще есть Гарри, который заставляет Розалину ставить под сомнение все, во что она верила всю свою жизнь. Розалина боится, что если влюбится в Гарри, то это станет рецептом настоящей катастрофы. В то же время и на съемочной площадке, и в ее личной жизни страсти разгораются все сильнее. Во всей этой суматохе главное не забывать: самая лучшая выпечка готовится с любовью.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Coe) 44

ISBN 978-5-17-149796-5

© Холл А., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Благодарности	7
Примечание от автора	8
Первая неделя. Шоколад	9
Пятница	9
Суббота	26
Воскресенье	47
Вторая неделя. Пирожки	54
Пятница	54
Суббота	60
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Алексис Холл

Розалина снимает сливки

Alexis Hall

ROSALINE PALMER TAKES THE CAKE

Copyright © 2021 by Alexis Hall,

© Никита Малахов, иллюстрация на обложке, 2022

© Л. Бородина, перевод на русский язык, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Благодарности

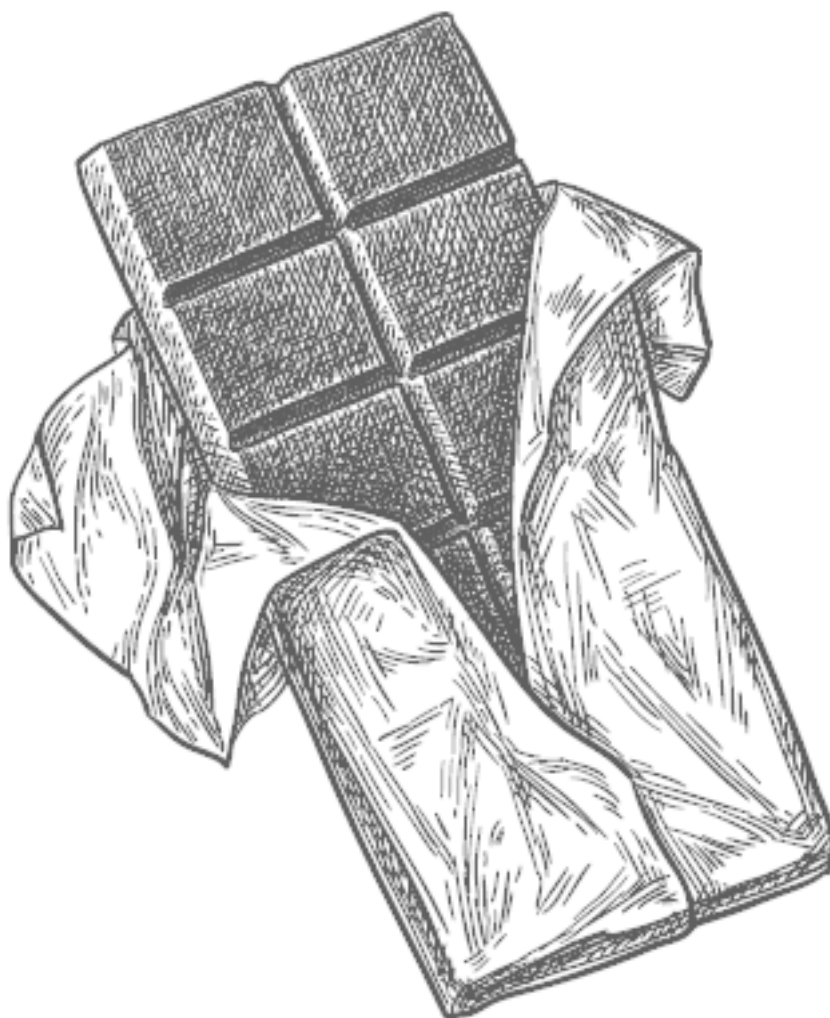
Я благодарен многим людям, в частности моему замечательному редактору из США Эми Пирпонт, чьи проницательность и мудрость превосходят только ее терпение. Ее потрясающему помощнику Сэму Броуди, который придумал большую часть шуток о выпечке и предложил несколько названий, которые оказались намного лучше тех, которые смог придумать я. Моему редактору из Великобритании Анне Боутман – за солидарность к британскому юмору и за то, что мою книгу издали в стране, где я живу. А также Джоди Розофф, которую я благодарю заранее, но уверен, что за месяцы, прошедшие с выхода книги, она заслужит эту благодарность тысячу раз. А также потрясающим командам издательств Forever и Piatkus за все, что они сделали, чтобы эта книга стала книгой.

Наконец, спасибо моему блестящему агенту Кортни Миллер-Каллихан буквально за все. Серьезно. Буквально за все.

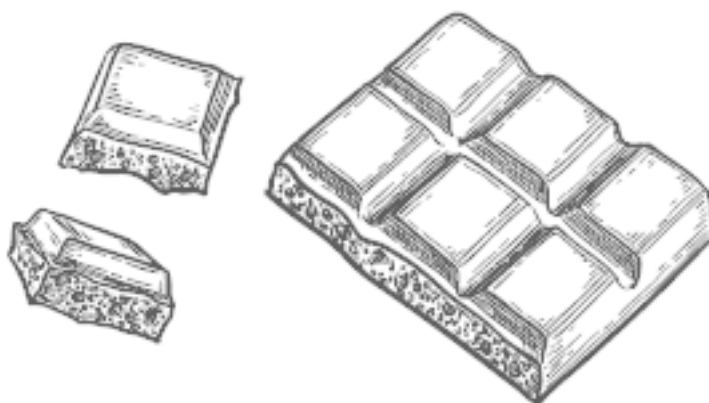
Примечание от автора

Этот роман содержит (неграфическую) сцену попытки сексуального насилия. Дополнительные предупреждения о содержании находятся на сайте автора.

Первая неделя. Шоколад

Пятница

– Большинство пекарей выбрали традиционное тесто для бисквита из яиц, муки и прочего дерьма, – сказала Лорен, стараясь или, вернее, не стараясь помочь. – А вот незамужняя милфа Розалина...

Розалина подняла голову от кухонного комбайна, возможности которого по измельчению сырой свеклы сильно переоценила.

– На Би-би-си не станут описывать меня как «незамужнюю милфу».

– Может, и нет, – Лорен возмущенно захлопала ресницами, – но так воспринимаю тебя я.

– А что, – спросила Розалина, смеясь, – скажет на это твоя жена?

– Эллисон тоже считает тебя милфой.

– Знаешь, хоть ты и лесбиянка, это все равно объективизация.

– Вообще-то, я хотела тебя поддержать.

– Тогда знай, что это у тебя не получилось. – Розалина схватила деревянную ложку и попыталась выскрести прилипшую сиреневую массу из насадки для крупной терки. – И, кроме того, готова поспорить, что Эллисон никогда в жизни не говорила слово «милфа».

– Ну, идеальных людей не бывает. – Придвинув табурет ближе к стойке, Лорен окунула палец в расплавленный шоколад, который Розалина поставила остывать. – Слушай, а зачем ты добавляешь свеклу в торт, который и без того уже хорош?

– Это свекольный торт. Без свеклы свекольного торта не получится.

– Большинство пекарей, – Лорен снова заговорила комментаторским тоном, – выбрали блюдо, которое нормальный человек захочет съесть. Однако кухонная искушительница Розалина решила добавить свеклу без всякой на то гребаной причины.

Лорен вела себя как Лорен. И обычно Розалину это устраивало. Но именно сейчас это было последнее, что ей нужно.

– На это есть гребаная причина. Я хочу выделиться, а не отправиться домой из-за того, что торт у меня самый обычный.

– На первой неделе за стандартность домой не отправляют, – весело ответила Лорен. – За такое можно вылететь не раньше четвертой недели.

Розалина соединяла ингредиенты с таким остервенением, что была уверена, что выбила весь воздух из яичных белков.

– Я не хочу дойти до четвертой недели. Я хочу выиграть. И я должна победить, иначе проведу остаток жизни на дерьмовой работе с минимальной зарплатой, пытаюсь содержать дочку, пока мои родители грустно качают головами и вынуждают занимать у них деньги.

– Я... понимаю, к чему ты клонишь. – Это было все сочувствие, на которое Лорен способна. – Но, честно говоря, участие в реалити-шоу напоминает прыжок в последний вагон уходящего поезда.

– Так-то да, – признала Розалина. – Но я уже все продумала. При лучшем раскладе я выиграю, верну родителям деньги с призовых и получу работу чуть лучше нынешней. В худшем случае меня отсеют, и что я потеряю?

Она уставилась в миску с коричневато-фиолетовым тестом для коржей, которое должно было быть бархатистым, но таким точно не было.

– Кроме своего времени. И гордости. И любого чувства приватности. И всех надежд на будущее. И того немного, что осталось от уважения моей семьи. Черт возьми, ты права. Это ужасная идея.

– Она не ужасная, она... – Возникла пауза, пока Лорен как профессионал пыталась подобрать слова, но не смогла это сделать. – Смелая. И это хорошо. Хорошо быть смелой.

– Последним моим смелым поступком было решение оставить ребенка, и хотя я рада, что так поступила, это решение не обошлось без последствий.

– Ну, да. Кажется, это и есть *жизнь*.

Розалина взглянула на часы, затем на духовку и снова на часы.

– Сегодняшние последствия заключаются в том, что мне пришлось сразу после того, как отвезла Амели в школу, идти на дополнительную смену, чтобы компенсировать время, на которое взяла отгул. Я вернулась поздно, потому что автобус опоздал. И теперь не могу закончить пробный торт до того, как нам придется ехать и снова забирать Амели, чтобы я могла попрощаться с ней, прежде чем убежать, чтобы провести выходные...

– Виляя бедрами в старинном доме и красуясь булками? – спросила Лорен.

– Знаешь, – Розалина сделала недвусмысленный жест тем, что попало под руку, – я вот настолько близка к тому, чтобы ткнуть тебя лопаткой в глаз.

– Если ты ткнешь меня лопаткой в глаз, мне будет очень трудно довести тебя до станции или тратить свободное время на то, чтобы присматривать за твоей дочкой.

– Ха, ловко придумала. Хотя твой альтруизм несколько портит то, что Элисон будет в Глазго неделю, а тебе явно нечем заняться.

– Это, – ответила Лорен с большим достоинством, – лишь *отчасти* правда.

– Ты права. Прости. Ты замечательный человек, и я тебе очень благодарна. – Розалина кинула лопатку, и та уныло плюхнулась в тесто. – Немножко беспокоюсь, что ты можешь убить моего ребенка, но благодарна.

– Эй, до этого она уходила от меня живая!

– Но впереди еще целые выходные. – В голосе Розалины зазвучали жалобные нотки. – Я никогда не уезжала от Амели так надолго.

Лорен пожала плечами.

– Тогда радуйся, что вы отдохнете друг от друга. Кроме того, в воскресенье ее заберет твоя мама. Так что чем я ей успею навредить?

– Зная тебя, довольно многим. Хотя, честно говоря, не настолько многим, как моя мама.

– Корделия прекрасно справится. – Лорен ободряюще положила руку на плечо Розалины. – На самом деле она нравится Амели, потому что дети совершенно не умеют разбираться в людях. И вообще, из ужасных родителей получаются потрясающие бабушки и дедушки. Это они так напоследок проворачивают ножи в сердцах детей.

– Спасибо. Ты действительно умеешь утешить.

– Такое у меня призвание. А теперь поехали за твоей малявкой.

Двадцать минут спустя Розалина стояла на опустевшей детской площадке, без ребенка. На мгновение ее охватила смутная уверенность, что случилась ужасная катастрофа – может, даже с участием акул, сбежавшего комбайна и злодея из фильма «Читти-читти-бэнг-бэнг», который охотился за детьми. Но в дверях появилась мисс Вудинг, учительница Амели, и решительно подозвала ее рукой.

От этого жеста никогда ничего хорошего ждать не приходилось, потому что это значило только то, что либо ребенок нашкодничал, либо с ним что-то случилось.

Собравшись с духом и чувствуя себя так, словно ее сейчас арестуют, Розалина поспешила к ней.

– Все в порядке? – спросила она, надеясь выглядеть по-матерински обеспокоенной, а не заранее виноватой.

Мисс Вудинг, которая, насколько Розалина могла судить, была сделана исключительно из зефира и волшебной пыли, слабо улыбнулась.

– Если не возражаете, пройдемте со мной. Я бы хотела поговорить с вами о поведении Амели.

Что ж, по крайней мере ее дочь осталась жива и не лежала без сознания. Промычав в знак согласия, Розалина позволила мисс Вудинг провести себя в здание, мимо высоких вешалок для одежды и красочных рисунков о безопасности дорожного движения и переработке отходов, нарисованных детскими пальчиками.

Класс Амели был уютным, просторным помещением, украшенным рядами цифр и стихами о лете, написанными с ошибками. Сама Амели ерзала под пристальным взглядом ассистентки учительницы.

– Миссис Палмер, – начала мисс Вудинг, и Розалина решила не поправлять ее, – я давно считаю, что нам следует поговорить о том, как выражается Амели на уроках.

Ой, мамочки. Они с Лорен часто ругались при Амели, но она считала, что хорошо объяснила дочери, что есть вещи, которые можно говорить дома, но нельзя на улице.

– Я не выражаюсь. – Амели скрестила руки на груди, излучая возмущение, на которое способна только обиженная восьмилетняя девочка. – Я использую слова «импровизированный» и «усыпляющий». И все остальные слова, которым меня учит тетя Лорен. – Она на мгновение приняла гордый вид. – Я многосложная.

Мисс Вудинг закрыла на это глаза с легкостью учительницы начальной школы, проработавшей всю жизнь.

– Это правда. У Амели обширный словарный запас. Но ей нужно усвоить, что некоторые темы неуместны в классе.

– Например? – настороженно спросила Розалина. Вариантов развития событий было много, и большинство из них заканчивались плохо.

– Например, сегодня на уроке английского мы изучали, что запомнить написание слова легче, если знать, что означают его части. Из слова «биатлон» можно узнать, что часть «би» означает «два», а часть «атлон» означает «состязание», поэтому в биатлоне два вида состязания.

Ладно. Теперь ясно, что не так.

– Как в «бинокле», – подсказала Амели, – потому что там две трубы. Или в «биплане», у которого две пары крыльев. Или в «бифокалах», у которых два... фокала. Или в «бикарбонате натрия», у которого...

– Да, – мисс Вудинг одарила Амели разочарованным взглядом, – но ты ведь не это сказала на уроке.

– Я бы сказала, что я сказала. Но вы велели мне молчать.

Внимание мисс Вудинг переключилось на Розалину.

Пример, который она привела в классе: «Моя мама – бисексуалка».

– Но ведь это правда, – возразила Амели, умоляюще глядя на Розалину.

– Она права, – согласилась Розалина. – Так и есть.

Амели, которая всегда воспринимала согласие как поощрение, пустилась в дальнейшие разъяснения.

– И это значит, что ей нравятся мужчины и женщины, то есть два пола – то, о чем вы говорили. Но тетя Лорен объясняла, что некоторые люди считают, что нельзя говорить «бисексуал», потому что это значит, что есть всего два типа людей, а некоторые считают, что их больше. А другие считают, что это нормально, потому что это значит одинаковые и разные, а разные могут означать много типов людей. Что все равно снова означает два. И это то, о чем говорили вы.

Следила ли мисс Вудинг за ее мыслью и понимала ли хоть что-нибудь, Розалина точно определить не смогла. В любом случае учительница не считала это необходимым.

– Проблема в том, миссис Палмер, что дети не должны говорить о сексе в классе.

– А она и не говорила. – На самом деле Розалине не хотелось спорить, но опыт подсказывал ей, что, вероятно, придется это сделать. – Она говорила о своей семье.

Лицо Мисс Вудинг приобрело нервный розовый оттенок, который, по мнению Розалины, часто появлялся у людей в тот момент, когда ее ориентация превращалась из идеи, которую можно поддержать, в реальность, с которой приходилось сталкиваться.

– Я понимаю, что это деликатная тема, и у разных людей разные убеждения на этот счет. Именно поэтому я должна руководствоваться политикой нашего академического фонда. В ней четко прописано, что учащимся не следует рассказывать об ЛГБТК до шестого класса.

– В самом деле? – спросила Розалина, изо всех сил стараясь помнить, что мисс Вудинг, вероятно, очень хороший человек, а не просто пушистый кардиган, накиннутый на регрессивные социальные ценности. – А Амели учится в четвертом классе, и ей удастся уживаться с моим существованием почти каждый день.

Придя к выводу, что это будет долгий взрослый разговор, Амели достала из сумки пенал с пандой и начала перебирать содержимое.

– Да, – сказала она. – Я очень хорошо себя веду.

Мисс Вудинг буквально заламывала руки.

– Да, но ведь остальным детям...

– Позволено говорить о своих семьях столько, сколько вздумается.

– Да, но...

– А это, – безжалостно продолжала Розалина, – если подумать, дискриминация.

Амели снова подняла голову.

– Дискриминация – это плохо. Мы это проходили в третьем классе.

Слово на букву «Д» заставило мисс Вудинг заметно вздрогнуть.

– Что вы, миссис Палмер...

– *Мисс* Палмер.

– Я уверена, что мы просто не поняли друг друга.

– Думаю, так и есть. – Воспользовавшись тем, что намек на закон о равенстве временно приструнил мисс Вудинг, Розалина попыталась найти компромисс между защитой своей личности и посадкой на поезд. – Я понимаю, что у вас странный профессиональный долг уважать желания людей, которые хотят, чтобы их дети оставались гомофобами как можно дольше. Но, надеюсь, вы понимаете, почему на меня он не распространяется. И если вы еще раз попытаетесь сделать так, чтобы он распространился на Амели, я подам официальную жалобу в администрацию губернатора.

Мисс Вудинг вздрогнула.

– Если она не будет...

– Никаких «если она не будет». Я не позволю вам учить мою дочь стыдиться меня.

Последовало долгое молчание. Затем мисс Вудинг вздохнула.

– Наверно, лучше всего будет закончить этот разговор и больше не поднимать эту тему.

По опыту Розалины именно так выглядела победа над институциональными предрассудками: никто не извинялся и не признавал, что сделал что-то не так, а соответствующее учреждение великодушно предлагало сделать вид, что ничего не произошло. Значит, победа?

– Мудрое решение, – сказала она, надеясь, что по крайней мере преподала Амели ценный урок, как постоять за себя, или пойти на компромисс, или... или... или... что-то еще.

– Что с тобой? – спросила Лорен, когда они сели в машину.

Розалина пристегнулась и оглянулась через плечо, чтобы проверить, что Амели сделала то же самое.

– Не спрашивай.

– У меня были неприятности, – сказала Амели, – из-за того, что я сказала, что мама – бисексуалка. Мне запретили говорить об этом. А это глупо, потому что так и есть. И тогда мама сказала мисс Вудинг, что это дискриминация, и мисс Вудинг очень расстроилась, и нам с мамой пришлось пойти домой.

– Долбануться можно, – порбормотала Лорен. – Что за куча предосудительного дерьма?

С гораздо большей осторожностью, чем обычно, когда в машине находился ребенок, она отогнала машину от бордюра. И, с одной стороны, это было хорошо, потому что они ни во что не врежутся и не убьют Амели. С другой стороны – они опаздывали на поезд, р-р-р.

– «Предосудительное» означает «очень плохое», – предположила Амели.

– Просто уточню, – Розалина обернулась, – из всех слов в этом предложении какие тебе разрешено говорить в школе?

– «Можно». «Что». «За». «Предосудительного». «Куча». – Амели призадумалась. – Но не «долбануться» и не «дерьмо», потому что некоторые считают, что эти слова плохие. Хотя это глупо, это же всего лишь слова.

Господи. Похоже, самое время прочесть родительскую лекцию.

– Иногда, – медленно произнесла Розалина, – то, что кажется тебе глупым, важно для других людей. Иногда бывает так, что то, что важно тебе, другие люди считают глупым. Вот поэтому важно думать о том, что ты говоришь и делаешь.

Амели переварила эту мысль.

– Например, потому что мисс Вудинг считает, будто глупо, когда мама – бисексуалка?

Лорен не удержалась от смеха.

– В каком-то смысле. – Как это часто бывает, возможность передать дочери положительные ценности и с трудом полученную мудрость резко сошла на нет, и она уже не имела ни малейшего представления, о чем говорит. – Но мы с ней договорились, что в дальнейшем будем внимательнее относиться к чувствам друг друга.

Тишины было ровно столько, чтобы убаюкать Розалину ложным ощущением спокойствия.

– Тетя Лорен? – спросила Амели. – А почему ты перестала встречаться с мамой? Ты думала, что быть бисексуальной глупо?

– Нет. – Лорен не сводила глаз с дороги. – Я не из тех лесбиянок, которые считают, что бисексуалки предают девушек. Просто мне как лесбиянке больше нравятся вагины.

– А-а. – Плюсом многосложной восьмилетней Амели было то, что она не любила признаваться, когда не понимала того, чего, вероятно, и не должна была понимать. – Тогда что случилось?

– Она меня бросила. Потому что я встречалась еще с одной девушкой и не рассказала ей об этом.

– А-а, – снова сказала Амели. Казалось, она серьезно задумалась над этим, и Розалина попыталась перевести внезапный интерес на номерные знаки проезжавших мимо машин. – Тебе больше нравилась другая девушка?

– Недолго, но к тому времени уже было поздно. И даже волосы у нее были ненатуральные рыжие. – Она бросила ностальгический взгляд на Розалину. – А может, все могло быть по другому, а?

О том, как могло бы быть, Розалина думать не любила. «Могло быть» слишком легко превратилось в «должно быть». В конце концов, если бы она осталась с Лорен, она бы не вернулась к Тому. Не решила бы, что, возможно, ничего страшного не случится, если «только в этот раз» обойтись без презерватива, и жила бы той жизнью, для которой, по ее мнению, она всегда была рождена. Но тогда у нее не было бы Амели, а это было немыслимо по абсолютно другой причине.

– Значит, – Амели возилась с ремнем безопасности именно так, как Розалина постоянно говорила ей этого не делать, – если бы мама тебя не бросила, ты была бы сейчас моей второй мамой?

– Не совсем. – Лорен пора было научиться прекращать разговоры. Особенно с Амели.

– Если бы я не ушла от тети Лорен, – перебила Розалина, – ты бы не родилась.

И снова Розалина практически слышала, как жужжат шестеренки в голове дочери. Каждый родитель, как она подозревала, считал своего ребенка умным, но ей нравилось думать, что Амели в самом деле была такой, хотя бы немного.

– Спасибо, что заставила маму бросить тебя, тетя Лорен.

Возникла небольшая пауза, и, повернувшись, Розалина с легким удивлением поняла, что Лорен не нашла что ответить. Искренность никогда не была ее сильной стороной.

– У тебя есть домашнее задание на выходные? – спросила Розалина, повернувшись, чтобы посмотреть на дочку.

Амели покачала головой.

– Я знаю, что сегодня у тебя было правописание. И что оно у вас каждую неделю. Поэтому спрошу еще раз: у тебя есть домашнее задание на выходные по правописанию?

Амели кивнула.

– Тогда выучи слова, когда придешь домой, прежде чем заняться чем-то другим. А тетя Лорен завтра проверит. Правда, тетя Лорен?

– Проверю, – согласилась Лорен, – хотя у меня самой правописание *ужасное*.

– Ты зарабатываешь на жизнь писательством, Лоз. Разве оно настолько плохо?

Лорен подняла бровь.

– Видишь ли, у всех теперь есть новомодные машины, которые проверяют правописание за тебя. А еще мне как-то обидно, что ты считаешь, будто самый важный навык в моей работе – *орфография*.

Они заехали на парковку вокзала, и Розалина пришла к выводу, что еще может успеть на поезд, если прямо сейчас уйдет от своего единственного ребенка и единственной подруги и если Большая западная железная дорога будет верна себе и поезд опоздает как минимум на шесть минут.

– Ну, – Лорен заглушила мотор, – приехали. Настало время стать знаменитой.

Розалина вытащила свою сумку из багажника.

– Я не хочу быть знаменитой. Я просто хочу... достаточно денег, чтобы оплачивать расходы, и достаточно людей, которые будут любить мою выпечку, чтобы я смогла найти работу чуть лучше.

– И правда. Твое высокомерие достигает гомеровских масштабов.

– Я люблю твою выпечку, мама, – сказала Амели. – Что такое «высокомерие»?

– Это когда ты считаешь себя гениальной, – объяснила Лорен, – а в итоге тебя слишком заносит, и тебя наказывают за это боги.

– Простите. – Розалина выскочила из машины, чувствуя себя ужасным человеком. – Я люблю вас обеих, вы милые и очень меня поддерживаете, но мне нужно бежать. Ты, – она указала на Лорен, – не рассказывай моей дочери, кто такой Катулл¹. А что до тебя, – она посмотрела на Амели, – я буду скучать по тебе, но не обижай бабушку Корделию и не пользуйся добротой тети Лорен. Потому что я знаю, какая ты, когда она с тобой нянчится.

– Не нянчится, – возмутилась Амели, – я уже не младенец. Я ребенок. Потом буду отроком. Потом – подростком. Потом – взрослой. Потом – старой. А потом мертвой.

Лорен засмеялась.

– Вот так просто, да?

Не самая подходящая тема для начала опеки Лорен над впечатлительным юным умом. Но сейчас не было времени решать эту проблему. Закинув сумку на плечо и пожалев, что не успела допечь чертов последний пробный торт, Розалина в час пик нырнула в толпу.

¹ Гай Валерий Катулл – один из наиболее известных поэтов Древнего Рима и главный представитель римской поэзии в эпоху Цицерона и Цезаря. Прим. перев.

Поезд, как оказалось, не опоздал на шесть минут. Он не опоздал даже на четыре минуты. А значит, у Розалины было ровно столько времени, чтобы увидеть, как он отъезжает от станции без нее. Умом она понимала, что мисс Вудинг не специально подгадала время для того, чтобы ее двуличие оказало самое большое и самое негативное влияние на жизнь Розалины. Но, черт возьми, ощущалось это именно так. Преодолев обратный путь по пешеходному мосту до справочного бюро, она потратила невероятно много времени на то, чтобы вывести у скучающего работника вокзала точный маршрут поездов, остановок и автобусов, которыми можно добраться до Пэтчли Хаус, где проходили съемки шоу.

Первый отрезок пути в глушь на поезде был, по крайней мере, относительно коротким. Второй, на дребезжащем автобусе в совершенно другую глушь, занял больше времени. Затем наступил третий, теоретически последний отрезок пути, который прошел в одном из нелепо медленных поездов, который, пожалуй, стоило бы отозвать из эксплуатации в 1970-х годах и который останавливался на каждой мелкой станции в каждой мелкой деревушке между У-Черта-на-Куличках и Поди-Узнай-Где. Первоначальный план Розалины заключался в том, чтобы во время поездки расслабиться, сосредоточиться, собраться с мыслями и сделать все, чтобы настроиться на нужный лад и проявить себя на реалити-шоу. Выйти из состояния измученной матери-одиночки, чьи родители, которым она задолжала огромную сумму денег, ничуть не удивились бы, узнав, что она не смогла вовремя сесть в поезд.

И тут поезд остановился.

И не трогался еще сорок чертовых минут.

– Э-э, – затрещала устаревшая акустическая система, – здравствуйте. С вами говорит машинист. Объявление для пассажиров поезда восемнадцать двадцать три, следующего из Мопли-он-Понд в Тапворт. В связи с неисправностью поезд будет вынужден завершить путь в Фондл-Бэквотер.

Это не предвещало ничего хорошего. Если честно, дела обстояли довольно скверно. И ситуация стала еще хуже, когда поезд подкатил к средней по длине бетонной платформе, служившей Фондл-Бэквотер станцией. Не зная, что делать, Розалина схватила сумку и сошла с поезда. С ней высадился только один пассажир. Мужчина в узких слаксах и голубой рубашке с рукавами, небрежно закатанными до локтей. Он выглядел так, будто у него был собственный стиль, идущий вразрез с модой. А еще он явно находился не в своей тарелке. Но, в отличие от Розалины, казалось, был не против вынужденной остановки, осматривая окрестности с самообладанием, а не с замешательством, переходящим в панику.

Что он осматривал, Розалина не знала, потому что вокруг было только небо, поля и восемь овец, одна из них смотрела на нее с выражением, которое она сочла за жалость.

– Я так понимаю, – заметил незнакомец, который подошел, пока Розалина была занята оценением скота, – что вы ехали не в Фондл-Бэквотер.

Теперь, когда он стал ближе, Розалине пришлось смириться с тем, что он не только стильный, но и смущающе хорош собой в той высокой, скуластой, слегка надменной английской манере, которая позволяет получить главную мужскую роль в костюмированной драме Би-би-си о распутном аристократе и его бурном романе с дочерью шахтера.

И появляется он в этой драме без рубашки, верхом на лошади, по крайней мере раз в сезон.

Как всегда, в первый раз за несколько месяцев с ней заговорил кто-то привлекательный, неважно какого пола, а она чувствует себя как человек, который за день не сумел допечь торт, поругался с учительницей начальной школы и таскался по всему юго-востоку из-за еле работающей железнодорожной компании. «Быстрее, Розалина, прояви обаяние».

– Вы о чем? Я проснулась сегодня утром и подумала: «Чего же мне не хватает? Вечера на вокзале с, мягко говоря, заманчивым названием».

– А, тогда вам надо было ехать в Тапера-в-Вере. – Он улыбнулся. В уголках его широкого рта образовались морщинки. – Оно еще заманчивее.

– Я слышала, что в Исла-де-Муэрте прекрасно в это время года.

– Что иронично само по себе, потому что Исла-де-Муэрте – та еще дыра.

Розалина рассмеялась, отчасти забавляясь, отчасти от облегчения. Потому что, если подумать, «Исла-де-Муэрте» – это рискованный гамбит. Особенно как вторая фраза, сказанная незнакомцу.

– Но если серьезно, – продолжил он, – как бы мне ни хотелось остаться здесь и обмениваться географическими иносказаниями с очаровательной незнакомкой, мне нужно быть в Тапворте... – он замолчал, чтобы свериться с воображаемыми часами, – уже как час.

По мнению Розалины, ехать в Тапворт можно было лишь по одной причине – если ты там не живешь, но тогда ты, скорее всего, не заблудишься в паре миль по дороге. Это означало, что она общалась с конкурентом. Хорошо говорящим, хорошо одетым, хорошо... хорошим конкурентом.

– Какое совпадение. Мне тоже уже час как нужно быть в Тапворте.

– А-а. Участница или член съемочной команды?

– Если бы я была в команде, – спросила она, – неужели я бы не знала, как туда добраться?

– А вдруг вы новичок? – Снова улыбка. На этот раз несколько лукавая. – Или плохо справляетесь с работой.

– Подловили. Я – главный рабочий-постановщик, только не умею ничего ставить.

Он вскинул бровь.

– От этого наверняка много проблем.

Ну надо же. Вышло не совсем так, как она хотела. Возможно, дело было во влиянии Лорен или отсутствии необходимости подавать пример восьмилетнему ребенку, но Розалина решила удвоить усилия.

– Да, – ответила она грустно, – из-за этого трудно работать рукой.

Наступило молчание. Розалина начала волноваться, что вызвала отвращение.

И тут незнакомец рассмеялся.

– Вижу, мы перешли от иносказаний к анусказаниям. Но в любом случае приятно познакомиться. Я – Ален. Ален Поуп.

Он протянул ей руку, которую Розалина пожала с готовностью женщины, которая только что говорила об онанизме.

– Розалина, эм, Палмер.

– Что ж, Розалина-эм-Палмер, – его очень, откровенно говоря, *очень* голубые глаза сверкнули на нее в полумраке, – что же ты собираешься делать?

– С моей... Слушай, я ведь на самом деле не рабочий-постановщик с неважными навыками работы.

– Не может быть, я воспринял это как факт! Я имел в виду, что нам делать с тем, что мы застряли на незнакомой станции, когда нам нужно быть в другом месте?

А-а. Он об этом.

– Когда следующий поезд?

Ален сверился с телефоном.

– Завтра утром. – Он продолжил искать. – И здесь нет ни такси, ни отелей, кроме того, в который нам надо, а ближайший автобус в двух деревнях отсюда. Едет не в ту сторону и уже час как закончил маршрут.

О боги. Им конец.

– Что насчет воздушного шара?

– Я с собой не брал. А ты?

– Нет, но у меня есть вот это. – Она покопалась в сумке. – Дорожная жестянка с мятными конфетами? Не помню, чтобы я ее покупала.

– А-а, тогда мы спасены. Из нее можно сделать... сделать...

– Самодельную лодку и сплавиться по реке? Или поменяться транспортом с проезжающим мимо цирком. Соорудить сигнальную ракету с помощью бутылки диетической колы.

– У тебя есть диетическая кола? – спросил он.

– Черт. Оставила на воздушном шаре.

– Не волнуйся. – Он убрал телефон. – Уверен, что продюсерская компания может послать кого-нибудь за нами. Конечно, тогда мы станем теми, кто причинил им неудобства за день до начала съемок, и, вероятно, они на нас не обидятся. Но я не очень склонен рисковать.

Если Розалина и понимала что-то в жизни, так это то, что стоит избегать делать то, из-за чего влиятельные люди могут затаить на тебя обиду, а потом обратить ее против тебя. По ее опыту они обычно так и поступали.

– Да. – Она постаралась унять дрожь в голосе. – Если мы можем попасть туда своим ходом, то, наверное, стоит попробовать.

– По крайней мере это будет приключение. – Он улыбнулся, будто говоря: «Давай сбежим из этой деревни». – Так что скажешь, Розалина-эм-Палмер? Хочешь отправиться со мной в приключение?

В общем, сказала себе Розалина, все могло выйти гораздо хуже. День переходил в мягкий английский вечер, с пастельным небом и мягким солнечным светом. Это была приятная прогулка, если не обращать внимания на запах силоса и тот факт, что она опаздывает на реалити-шоу, в котором поставила на кон свое будущее. Или не все свое будущее. И, если уж на то пошло, по крайней мере у нее был спутник – такой, которого, честно говоря, она ценила бы в любом случае, даже если бы ее не бросили на захолустной станции приватизированной железнодорожной компании.

– Очень надеюсь, – сказал Ален, когда они пошли по проселочной дорожке, которая, с вероятностью около тридцати процентов, вела прямо в никуда, – что ты впечатлилась моей смелой и мужественной решительностью. И не думаешь про себя: «О нет, он – типичный мужлан, который не спрашивает дорогу».

Розалина рассмеялась, что, как она надеялась, означало скорее «это довольно смешно», а не «я очень стараюсь понравиться».

– И кого бы ты спросил? Вон то дерево? Овцу?

– Боюсь, что я брал уроки овечьего только ради аттестата об окончании средней школы, а единственная фраза по-овечьи, которую могу вспомнить, это «Где находится туалет?».

– Ладно, – она должна была спросить, – и как же будет «Где находится туалет?» по-овечьи?

Он даже сделал взгляд как у ягненочка.

– Кажется, «Где находится туабе-е-ет?».

– Тебе повезло, что мое гилти плеже – бородатые анекдоты.

Возникла многозначительная пауза.

– Привет, Мое – Тайное – Удовольствие – Бородатые Анекдоты. Я – Ален.

– Ясно, – сказала ему Розалина, – наверно, я сделала слишком большой акцент на «люблю» и маленький на «тайное удовольствие».

– Не волнуйся. Если серьезно, я пока не готов отращивать бороду. Слишком молод для нее и отцовства, кстати, тоже.

На этот раз смех Розалины был чуть более естественным. Она привыкла к тому, что большинство людей ее возраста и немного старше говорят о родительстве так, будто это часть невообразимого будущего, к которому приходишь после того, как определишься с карьерой,

отношениями и собственными мечтами. Поэтому было неловко отвечать: «Вообще-то я родитель уже почти десять лет».

Проселочная дорога провела их через перегон для скота на другую проселочную дорогу, которая вела еще на одну. И именно через поле от проселочной дороги номер три они наконец заметили признаки человеческого жилья. Ну, не считая всего того, что, по сути, было признаками человеческого жилья, но настолько деревенскими, что почти не считались. Например, живые изгороди, приступки через шаткие заборы и гектары травы.

Ален прикрыл ладонью глаза от блеска заходящего солнца.

– Это фермерский дом? Скажи мне, что это фермерский дом.

– Или секретная военная база, и в любом случае там будет кто-то, у кого мы можем спросить дорогу.

– Если это секретная база, не расстреляют ли нас на месте?

Она пожала плечами.

– Если это ферма, возможно.

– Вообще-то я живу в сельской местности, и фермеры стреляют в меня гораздо реже, чем ты можешь себе представить. Пойдем поздороваемся?

– Хорошо, но если во мне будет полно дробины, то вытаскивать ее будешь ты.

– А если во мне будет полно дробины?

– Тогда я использую тебя как отвлекающий маневр и побегу к дороге.

Он посмотрел на нее с укором.

– А ты бездушная женщина, Розалина-эм-Палмер.

– Не настолько бездушная, какой была бы, если бы меня застрелил разъяренный земледелец.

Поскольку альтернативой было беспечное блуждание или признание себя обузой перед людьми, которые будут принимать важные решения об их будущем, они решили рискнуть и подойти к фермерскому-дому-тире-военной-базе. Как оказалось, это заняло больше времени, чем они предполагали, потому что поля были похожи на ТАРДИС: больше, чем выглядят.

– Знаешь, – заметил Ален, – я очень рад, что ты здесь. В одиночку мне было бы невероятно скучно.

– Ты хочешь сказать, что я лучше, чем буквально никто?

Он скривил губы.

– Если тебе это поможет, могу вспомнить людей, которые были бы худшей компанией, чем «буквально никто». В прошлом году я был на свадьбе университетского друга, и, честно говоря, удивился бы, если бы узнал, что семья невесты прочитала хотя бы одну книгу на всех. Я влип в разговор с одним из многочисленных дальних родственников, и, клянусь, этот человек считал, что грамматика – это что-то связанное с музыкальными пластинками.

Розалина от неожиданности рассмеялась – тем заговорщицким, слегка виноватым смешком над человеком, но при этом над таким, который не нравился. И кому, что самое главное, ты не нравилась тоже.

– Хуже свадеб нет ничего. Если женятся не двое твоих друзей, то половина гостей в комнате – это те, с кем ты никогда не захочешь общаться. А другая половина – родственники тех, с кем ты общаешься.

– В защиту брака скажу, что я был на нескольких прекрасных свадьбах. Думаю, проблема именно этой свадьбы была не в церемонии, а в компании. – Он тяжело вздохнул. – Не успел я избавиться от этого кретина, как отец невесты схватил меня за руку и десять минут пытался вовлечь в разговор о том, кому из официанток он или я хотели бы, цитирую, «вдуть».

– Фу-у, – Розалина невольно содрогнулась, – терпеть не могу таких мужчин.

– Большинство разумных людей тоже не могут. Но, опять же, – и мне неприятно это говорить, – я считаю, что иногда их на это довольно явно поощряют. Сама невеста была очень... –

Ален сделал паузу, как будто не мог подобрать слов, чтобы выразить ужасы, которые пытался описать. – Скажем так, я не уверен, что за искусственным загаром, силиконовой грудью и накладными ногтями скрывается настоящая девушка, с которой мой друг познакомился на работе и на которой решил жениться, а не купил ее в магазине для взрослых.

Ей не стоило смеяться. Но она засмеялась. И почувствовала себя виноватой. У Лорен были серьезные – и, честно говоря, правильные – взгляды на то, как общество перешло от осуждения женщин за несоответствие нереальным стандартам красоты к осуждению за то, что у кого-то не получается соответствующе выглядеть, и за то, что получается. Вот только сейчас это казалось безобидным развлечением – разделить чужое мнение о незнакомке, вместо того чтобы самой разделить ее участь.

Они свернули через пролом в живой изгороди и по грунтовой дороге направились к просторному, но ухоженному фермерскому дому. Во дворе перед домом женщина в плоской кепке копалась в тракторе.

– Ну, что ж, – прошептал Ален. – Посмотрим, не подстрелят ли нас.

Их не подстрелили. Вместо этого фермерша подтвердила, что сегодня вечером невозможно добраться до Тапворта, и предложила приютить их на ночь, а утром отвезти в Пэтчли-Хаус. Провести ночь в глуши с мужчиной, с которым только что познакомилась, Розалине не очень хотелось, но, если предположить, что Би-би-си проверила Алена так же тщательно, как и ее, то вероятность того, что он не серийный убийца, была весьма высока.

– Я могу лечь на пол, – сказал он. – Или, если тебе так будет удобнее, спросить нашу хозяйку, не будет ли она против, если я займу ее диван.

Розалина сидела на краю аккуратно застеленной двуспальной кровати в комнатке под карнизом. Единственной свободной комнате у фермерши. Она написала Лорен сообщение, объясняя, что случилось с поездом и что не сможет позвонить до завтра, и теперь ждала сигнала сети, чтобы его отправить. Когда это наконец произошло, она подняла глаза.

– Разве тебе не будет удобнее на диване?

– Не так уж удобно. – Он самоиронично усмехнулся. – Ноги, наверное, будут свешиваться.

Поэтому они разделили щедрый запас подушек и одеял. Розалина свернулась калачиком на одной стороне кровати, а Ален соорудил импровизированный матрас на полу.

– Какой странный день, – попробовал завязать разговор Ален после предсказуемо неловой паузы.

– Есть немного, – согласилась она. – У тебя там, внизу, все в порядке?

– На самом деле мне вполне комфортно. Напоминает путешествие в школьные годы. И, хотя я ездил с другом, который, как оказалось при длительном общении, страдал от газов больше, чем все, кого я когда-либо встречал, скажу, что из тебя вышла спутница лучше него.

– Так ты говоришь, что я лучше, чем никто, чем какой-то придурок на свадьбе и пердящий подросток? А ты в самом деле знаешь, как заставить девушку почувствовать себя особенной.

Он тихо рассмеялся.

– У тебя талант превращать комплименты в оскорбления.

– Спасибо, я очень старалась.

Повисла долгая тишина. Розалина попыталась понять, это приятная тишина перед сном или неловкое молчание во время неожиданной остановки поезда посреди глуши.

– Начинаю подозревать, – сказал Ален, – что, возможно, пропустил главу в инструкции к жизни, в которой говорится об этикете, когда приходится делить комнату с интригующей незнакомкой, с которой случайно оказался в ловушке по пути на телевизионный конкурс выпечки.

Розалина пропустила много глав в инструкции к жизни. Так много, что ей часто казалось, будто она потеряла свой экземпляр, когда ей было девятнадцать.

– Я давно туда не заглядывала, но, когда дело доходит до практически любого социального взаимодействия, совет сводится к «смотри прямо перед собой и ничего не говори». В общем, по принципу сообщающихся сосудов.

– Когда ты об этом сказала, я что-то такое вспомнил. – Он замолчал, заставив Розалину задуматься, не подтолкнула ли она случайно человека, с которым ей было приятно общаться, к тому, чтобы он больше с ней не разговаривал. – А как насчет того, чтобы взбунтоваться и познакомиться?

И в принципе это было бы замечательно. Но Розалина знала, как это бывает. Вот вы мило, нормально, может быть, слегка кокетливо беседуете, а вот тебе уже приходится объяснять, как ты перешла от медицины в Кембридже к перебежкам от временной работы до школы, и дальше будет либо «бедняжка, беда-то какая», либо «ну надо же, а я думал, ты не такая». И ты заранее знаешь, что человек, с которым говоришь, перестанет думать: «Ух ты, а она ничего, может, стоит позвать ее на свидание» и начнет думать: «Ха, она с прицепом, надеюсь, не попросит меня посидеть с ребенком».

– Но, – она попыталась перевести тему, – разве пространственно-временной континуум не разрушится, если два британца начнут говорить о чем-то кроме погоды и автобусов?

– Знаешь, Розалина-эм-Палмер, – она почему-то знала, что он улыбается, – я бы с удовольствием рискнул.

Черт. Вот же черт. «Ладно, Розалина, бери контроль над ситуацией в свои руки».

– Так чем ты занимаешься?

Снова наступило долгое молчание.

Как только молчание из долгого превратилось в очень долгое, Розалина, решившая, что каким-то образом все испортила, в панике нарушила его.

– Эй, ты там как?

– А, да, прекрасно. Просто жду, когда Вселенная рухнет на нас. Но вроде мы в безопасности. Я – ландшафтный архитектор.

Она понятия не имела, кто это, вернее, чем он отличается от обычного архитектора, но, похоже, это была достаточно творческая работа, чтобы приносить удовлетворение, и достаточно прибыльная, чтобы родители против нее возражали.

– Так это архитектор, который лежит на боку?

– Который что? Нет, это когда... А-а. – Он остановился и тихо захихикал. – Ну, так получилось, что я лежу на боку, так что, наверное, в данный момент я и тот и другой. Но, в целом, это скорее пейзаж в противовес жилому или коммерческому помещению, чем пейзаж в противовес портрету.

– Как ты проектируешь ландшафт? – спросила она. – Не раздаешь же ты в самом деле команды вроде «вон там поставьте еще одну гору» или «давайте с того края опустим небо на пару дюймов».

– Ты удивишься. Однажды я перевез озеро.

– Как?

– Понятия не имею. Этим занимаются инженеры-гидрологи. Я просто показал на него и сказал: «Кажется, оно перекрывает доступ к оленьему парку».

– Не понимаю, это делает тебя крутым и сильным или... каким-то менеджером среднего звена?

– Если честно, – сказал он ей с грустью, которую она сочла располагающей, – я тоже не понимаю.

Розалина переместилась к краю кровати и посмотрела вниз. Она различала его очертания – он лежал на боку, как статуя лежащего императора, и смотрел на нее. Его лицо было загадкой теней в свете звезд.

– Но тебе ведь нравится?

– Нравится. – Она не видела его взгляда, не могла разглядеть глаз, но в голосе чувствовалась напряженность, которая напомнила о поздних ночных разговорах, когда она училась в университете.

– Это как с выпечкой. Приходится балансировать между техникой и творчеством. Я имею в виду, что нет смысла прокладывать в парке дорожку, которой не хватает ширины, чтобы по ней могли пройти два человека с собаками.

– Так ты организовываешь комические ситуации?

– Прости, не понял?

– Останови меня, если стану изъясняться слишком сложно, но это когда два человека знакомятся милым образом.

– И часто такое случается? – спросил он. – Из-за тебя мне кажется, что я неправильно знакожусь с людьми.

– Так и есть. – Она мысленно улыбнулась. – Потому что, когда гуляешь с собакой, постоянно случается так, что кто-то идет в другую сторону по слишком узкой тропинке в парке. Ваши поводки запутываются, и тогда, в зависимости от того, в каком фильме ты находишься, говоришь: «Ну надо же, простите», а она отвечает: «Да что вы, ничего страшного», но все знают, что вы втайне хотите переспать. Или же ты говоришь: «Эй, осторожно, леди», а она отвечает: «Живее, мистер», и все будут знать, что вы втайне хотите переспать.

Он снова засмеялся, и Розалина позволила себе немного погреться в приятном ощущении. Нельзя заставить кого-то так смеяться, если ты не блещешь остроумием, не нравишься или не сочетаешь эти два фактора.

– А если у меня собаки нет?

– Тогда ты попал не в то кино.

– Или, – добавил он, – проектирую не тот парк.

– Да, в следующий раз стоит это продумать.

– А надо ли? – спросил он. – Что еще мне стоит учесть?

– Вращающиеся двери, за которые цепляются пальто. Совершенно плоские фонтаны, которые неожиданно вырываются из бетона. И обязательно спроектировать все лестницы так, чтобы по ним было очень трудно спуститься на каблуках, не сломав их и не упав. Это было бы идеально.

– Ты намекаешь, – это был такой полушутливый тон, который требовал поднятых бровей, – чтобы я намеренно проектировал пространство так, чтобы женщинам было сложнее по ним передвигаться?

– Ну, а как нам еще знакомиться?

– Не знаю. Всегда можно дожидаться шанса на заброшенном вокзале. Или так, или через «Тиндер».

– Выберу вокзал. Никто не притворяется на десять лет моложе, чем есть, и приходит меньше мерзких сообщений. И все-таки, – быстро продолжила она, отчасти из искреннего интереса, отчасти чтобы оттянуть неизбежные вопросы о себе, – что привело тебя из архитектуры в «Пекарские надежды»?

Она услышала, как он перевернулся на спину и издал тихий, слегка насмешливый стон.

– Ты подумаешь, что я банальный.

– Да, я ведь знаю кучу ландшафтных архитекторов, которые пекут торты на телевидении.

– Честно говоря, с моей стороны это прозвучит ужасно, как проблемы стран первого мира. Я просто... – Он замолчал, а затем заговорил снова. – Считаю свою работу очень полез-

ной, и – боюсь, не знаю, как объяснить, чтобы не показаться хвастуном, – что достиг довольно многого из того, чего хотел достичь в жизни. Но порой спрашиваю себя: а есть ли что-то... кроме этого? Что-то, что я упускаю?

Все это было очень знакомо Розалине, хотя и совсем по иным причинам.

– Я не считаю это банальным. Думаю, это нормально. То есть надеюсь, что это нормально, потому что чувствую себя так все время.

– Уверен, что зря, – обнадеживающе ответил он. – Но мне кажется, что это... в общем, я предполагаю, что такова опасность образования. Оно учит, каким огромным может быть мир, но его нельзя охватить полностью. Конечно, гости на той свадьбе вряд ли много в этом понижают. Они вполне довольны абонементом на «Манчестер Юнайтед», телевизорами с большим экраном и возможностью время от времени свистеть женщинам с вершины строительной площадки.

– Ох, и не говори. Однажды, когда мне было лет восемнадцать, мне свистнул один мужчина. Я остановилась, повернулась и сказала: «Ну, давай, найди смелость подойти». А он очень обиделся и сказал: «Спокойно, милая, я женат». Как будто это я перегнула палку. – Она издала обиженный вздох, который сдерживала с десятков лет. – Победить это просто невозможно.

– Как по мне, ты выиграла. – Его голос в темноте был полон одобрения. – Он пытался заставить тебя чувствовать себя никчемной, а ты обернула это против него.

Раньше Розалине казалось, что тот мужчина решил показать ей, какая она никчемная. Она попыталась его остановить, но он все равно победил. И даже сейчас она была уверена, что, когда она ушла, строитель с его приятелями смеялся над тем, какая она отчаявшаяся шлюха. Но версия Алена ей нравилась гораздо больше.

К сожалению, размышления о социологических проявлениях гендерно обусловленной реакции строителей из истории о стройке отвлекли Розалину ровно настолько, чтобы Ален успел заговорить.

– Такое ощущение, что мы уже вечность говорим обо мне, и хоть я не свищу тебе со стройплощадки, неловко осознавать, что это довольно грубо и несколько по-сексистски.

– Нет, нет, все в порядке. – Рано или поздно это должно было случиться, не так ли? – Мне очень интересно тебя слушать.

– Расскажи мне о себе, Розалина-эм-Палмер.

А вот и вопрос, такой же неизбежный, как изменение климата.

– Что рассказать?

– Ну, можно начать с того, чем ты занимаешься, когда не торчишь на вокзале.

Розалина открыла рот и снова закрыла. Сказать что-то близкое к правде вдруг показалось ей невозможным. Ведь перед ней был человек остроумный и уверенный в себе. С опытом, мнением и интересной карьерой, которой увлечен. И кажется, считающий, что Розалина похожа на него. Что она принадлежит к его миру, где чувствуешь, что добился всего, что задумал, где озера перемещаются по мановению руки, и при этом есть время участвовать в конкурсе выпечки на национальном уровне. Как ей сказать, что она забеременела в девятнадцать, бросила университет, работает продавцом на полставки и, с периодичной успешностью справляется с воспитанием восьмилетнего ребенка? И что, черт возьми, это все говорит о ней как о личности? Она бы не променяла Амели на все дипломы и возможности в мире, но сейчас не могла заставить себя признаться в существовании дочери.

– Я – студентка, – ответила она ему.

Тревожная пауза.

– Ну, надо же. Я... такого не ожидал.

– Взрослая студентка, – уточнила она, сразу уловив в его голосе тон «Черт, я нарвался на несовершеннолетнюю».

– Ох, слава богу. – Он нервно выдохнул. – Я считаю, что делить комнату с женщиной, с которой только что познакомился, – это одно. Но если с женщиной, которая только окончила школу, можно оказаться на третьей странице «Дейли мейл».

– Кажется, – услужливо сказала Розалина, – третья страница обычно предназначена для фотографий женщин в откровенных нарядах. Как растлитель ты, вероятно, оказался бы на четвертой странице.

– Приятно знать. Именно это меня и волновало. – Он замолк. – И еще я должен сказать, что своей радостью от того, что ты совершеннолетняя, хотел показать, что ты выглядишь молодо. Ты не будешь возражать, если я просто спрошу, что ты изучаешь, и мы сделаем вид, что предыдущей части разговора не было?

– Медицину.

Это было ложью только... отчасти.

– Я тут разглагольствую об архитектуре, как будто это что-то важное, а ты учишься спасать жизни.

Разговор заходил не туда. Разумнее всего было признаться сейчас. Прямо сейчас.

– Не знаю. Нет смысла спасать жизни людей, если они потом не могут пойти в парк.

Он тихо засмеялся.

– Ты такая милая. Но это явная чушь. Ты много работала, добилась успеха и должна этим гордиться.

– Спасибо, – сказала она, ощущая тошноту.

– Ты не захотела поступать в вуз сразу после школы?

«Так. Вылезай из ямы лжи, Розалина. Потому что, если не сделаешь это сразу, заврешься».

– А... Я... взяла академический отпуск.

Наступило молчание, словно он ждал большего.

И тогда Розалина поняла, что один год, вероятно, не объясняет разницу между ее предполагаемым возрастом и возрастом среднестатистической студентки.

– Чтобы поехать в Малави, – продолжила она.

– В Малави? – повторил он обескураживающе заинтересованным голосом.

– Да. И мне... так понравилось, что я осталась там на некоторое время. Работала... на поливе. – «Перестань, Розалина, перестань, Розалина, перестань, Розалина». – Но потом изучила исследования, которые показали, что западные туристы, которые едут в менее экономически развитые страны и занимаются, по сути, неквалифицированным трудом, могут принести больше вреда, чем пользы. Поэтому я вернулась домой. И снова подала документы в университет.

– Ничего себе, – сказал он, – какая у тебя увлекательная жизнь. Признаюсь, я просто подумал, что ты решила переквалифицироваться или что-то в этом роде.

Черт. Это было бы гораздо правдоподобнее и вызвало бы меньше вопросов.

– Да. Нет. Многие так делают, тебе не кажется?

В темноте послышался шорох постельного белья – такой звук можно услышать, когда устраиваешься поудобнее, чтобы послушать рассказ интересной женщины о ее жизни и путешествиях.

– А вот мне всегда было интересно... – начал он.

– Знаешь, – Розалина резко прервала его, – нам завтра утром нужно очень рано встать, и я уверена, что никто из нас не хочет испортить первую неделю из-за того, что мы проболтали всю ночь.

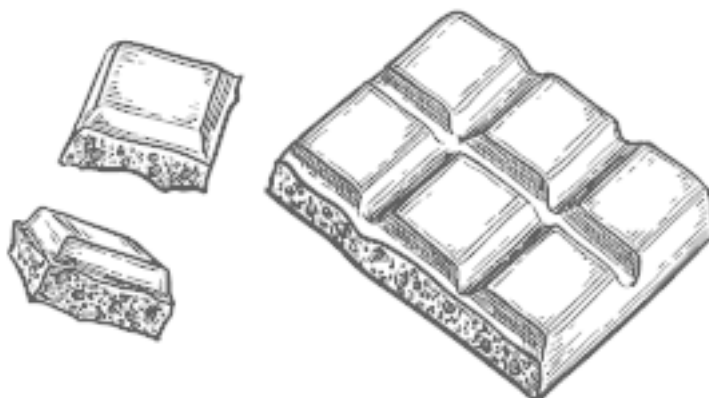
Ален проверил телефон.

– Ты права. Не знал, что уже так поздно.

– Да, я тоже потеряла счет времени.

- Надеюсь, мы еще сможем поговорить, да?
- Розалина поморщилась, глядя на потолочные балки.
- Наверняка сможем.

Суббота

Пока Розалина переживала о конкурсе и беспокоилась, что рассказала лживую и излишне конкуретную историю о своем прошлом мужчине, который мог бы ей понравиться, она почти задремала, но ей снова пришлось встать, чтобы забраться в прицеп с сеном. Сено оказалось далеко не таким удобным, как ей думалось из костюмированных драм и исторических романов.

Ален тем временем вскочил с постели с энергией диснеевского принца. Теперь он сидел рядом, положив запястье на приподнятое колено, и солнечный свет раннего утра золотил его волосы.

– Знаешь, – заговорил он, – я в любой день предпочту эту поездку поездке по Южной железной дороге. Быстрее, надежнее и гораздо меньше шансов застрять напротив какого-нибудь урода из Базилдона, дрожащего под газетой «Метро».

– Чтобы сидеть на соломе?

Он улыбнулся.

– Это натуральный футон.

Розалина уже собралась объяснить, что она городская девушка и не привыкла считать сухую траву чем-то кроме садовых отходов, но вспомнила, что несколько лет занималась ручным трудом в Малави. Поэтому неопределенно хмыкнула.

Это рассмешило Алена.

– Ты не жаворонок, да, Розалина-эм-Палмер?

– Это не утро. Это вчера.

– Ну, вот такая вот она – деревенская жизнь. – Он осторожно вытащил соломинку из ее волос. – Как себя чувствуешь? Готова к конкурсу?

– Чувствую себя удивительно спокойно. Наверно, то, что мы застряли в глуши, отвлекло меня от мыслей. Конечно, мы уже теперь не застряли. А это значит, что через десять минут я начну волноваться.

– Не нужно волноваться, – успокаивающе сказал он. – Чтобы продержаться в конкурсе, надо привнести в него что-то уникальное, а у тебя наверняка получится использовать свой опыт из Малави.

Черт. Нет, все в порядке. Нельзя упоминать «опыт из прошлого» больше пары раз, чтобы судьям не надоело. Так что она могла притвориться, что приберегает этот козырь как минимум до третьей недели. К тому времени, скорее всего, кто-нибудь из них уже отправится домой.

– Просто надеялась, что у меня будет чуть больше времени на подготовку.

– Сразу видно, что ты – студентка-медик. Ты наверняка очень старательно делаешь домашнюю работу.

Божечки. Только не снова.

– И все же, – продолжил он, – я, честно говоря, не знаю, как ты собираешься готовить в отеле, где нет кухни.

Успокоившись, что речь не идет ни о Малави, ни о медицине, Розалина решительно включилась в разговор.

– Я взяла с собой кулинарные книги двух судей. Последние пару сезонов первая выпечка вслепую предлагалась по опубликованным рецептам, и я надеюсь получить хотя бы намек на то, что будет.

– Розалина-эм-Палмер, – его глаза расширились, – ах ты хитрая дьяволица.

Она слегка покраснела.

– Вряд ли это поможет. Они за это время написали столько книг.

– Не надо себя недооценивать. Это все равно очень разумная мысль. Какие книги ты взяла?

Порывшись в сумке, Розалина достала «Торты от Миллов» Уилфреда Хани и «Наука кондитерского искусства» Марианны Вулверкот.

– Мы знаем, что это будет торт, что значительно сужает круг поиска. И на первой неделе он, как правило, домашний, так что надо искать что-то довольно простое.

– И они, естественно, не повторяются, – добавил Ален, взяв «Торты от Миллсов» и перелистывая их, – так что можно исключить бисквитный торт «Виктория», шахматный кекс и... ой, а что было в прошлом году?

– Торт с кофе и грецким орехом, кажется.

Его голова была близко к ее, пока они листали книгу. Его улыбка была искренней и доверчивой, как будто предназначалась только для нее. И, несмотря на то что он провел ночь на полу, от него почему-то пахло свежим мылом и базиликом. Соломой, разумеется, пахло тоже, но приятно.

– Можно сказать, нас пронесло, да?

– Не любишь его?

– Не сомневаюсь, что его вкус можно улучшить. Но если бы существовал торт, который бы назывался «третье место на школьном празднике», то это однозначно торт с кофе и грецким орехом.

Розалина однажды готовила торт с кофе и грецким орехом для школьного праздника. Тогда ей показалось, что он всем очень понравился.

– Как насчет «ангельского бисквита»? – предложила она. – Они иногда любят задавать что-нибудь неожиданное.

– Вполне возможно.

– Или Данди-кейк?

– Разве его не едят только на следующий день?

– Обычно да. Но я думаю, что магия телевидения умеет обходить такие вещи.

– Что ж, давай тогда добавим его в длинный список, а потом доработаем, как комитет Букеровской премии.

Хотя Розалина знала, что это соревнование, было приятно хотя бы ненадолго почувствовать себя частью команды. На самом деле было просто приятно поговорить с кем-то о выпечке. Амели рвалась помочь, но была слишком маленькой, а Лорен, хоть и поддерживала ее в целом, приберегала большую часть помощи и проницательности для своих любимых вещей – сатиры и сапфизма.

Пока прицеп медленно дребезжал по извилистым дорогам того места, где они находились, Розалина бросила косой взгляд на Алена. В его глазах отражалась голубизна неба, на

щеках появился легкий румянец, а длинные, артистичные пальцы бегали по страницам, пока он размышлял над рецептами.

Неожиданный идеальный момент с неожиданно идеальным парнем. Если бы не крохотная деталь – она солгала ему буквально во всем.

Дом и парк Пэтчли оказался гораздо больше парком, чем домом, – по крайней мере у входа. Территория была странно знакомой, потому что шоу всегда начиналось с панорамы британской сельской местности, которая, как оказалось, на самом деле была панорамой бывшего сада богатой персоны. Дорожка плавно огибала зеленый бархатный склон холма, и в конце концов гости впервые увидели само поместье. Оно тоже было знакомым, настолько, что Розалина ждала, что сейчас появятся слова «Пекарские надежды», написанные на нем, словно на торте.

Пока они шли по табличкам «Участники, проследуйте сюда», их перехватил маленький, дерганый человечек с наушником и планшетом.

– Слава богу, вы здесь, – сказал он. – Как раз вовремя. А еще вы с ног до головы в соломе. Почему вы в соломе? Дженнифер будет в ярости, если вы будете в соломе на съемках.

Ален небрежно смахнул сено с рукава.

– Произошла заминка из-за поезда, и нам пришлось воспользоваться услугами фермерши. Но все под контролем, и если вы проводите нас в наши номера, мы быстро приведем себя в порядок и присоединимся к вам.

– Да, – добавила Розалина, – Простите.

– Завтрак через десять минут. – Дерганый человечек дернулся еще сильнее. – Так что, пожалуйста, поторопитесь, а то я не знаю, что будет.

– А то мы немного опоздаем к завтраку? – предположил Ален.

– Дженнифер не любит даже небольших опозданий.

– В таком случае... – Ален выхватил два ключа от номеров из рук незнакомца, – вам, вероятно, не стоит задерживать нас разговорами.

Мужчина, который в итоге представился как Колин Тримп, помощник продюсера Дженнифер Халлет, решительно повел их прочь от красивого поместья восемнадцатого века к приземистым пристройкам 1940-х годов, притаившимся за рощей деревьев.

– Это гостиница, – объяснил Колин Тримп с быстротой человека, которому очень нужно быть в другом месте. – Вы все будете жить здесь. Номера комнат на ключах. Завтрак на террасе через... о боже, примерно через шесть минут. Так что, пожалуйста, поторопитесь. Съемки начнутся через час.

– Что ж, – Розалина смотрела, как Колин Тримп поспешно уходит, – вот и рухнули мои надежды пожить выходные в шикарном отеле.

Ален вскинул бровь.

– На бюджет Би-би-си?

– Могу же я хотя-бы помечтать.

Ален наклонился и поцеловал ее в щеку так легко и непринужденно, как не любит настоящая Розалина, но Розалина-путешественница должна к такому быть привычной.

– Удачи. Увидимся на съемках.

В то время как Ален, казалось, не переживал, что они могут опоздать на завтрак, Розалина испытывала глубоко укоренившийся страх, который недавние события мало чем могли облегчить. Поэтому она поспешила в свой номер, наспех приняла душ и замедлила шаг только для того, чтобы проверить, что не надела вещи задом наперед или наизнанку.

Когда она вышла в коридор, соседняя дверь открылась, и из нее появилась та, кого Розалина посчитала другой участницей. На мгновение возникла суета, пока они возились с ключами, а затем незнакомка энергично помахала Розалине рукой.

– Привет, – поздоровалась она, – Я – Анвита. Ты идешь на кухню?

– Да. Я, э-э, Розалина.

Они шли в ногу. Ее спутница была на несколько лет младше Розалины и одета в агрессивно-розовую футболку, которая странным образом ей шла. Ее волосы были стянуты в строгий хвост, а на голове – огромные очки, которые не должны были смотреться круто, но смотрелись. Порой свет попадал на крошечный бриллиантовый гвоздик в носу, который Розалине показался сексуальным.

– Ну так что, – Анвита окинула ее взглядом, одновременно подначивающим и ожидающим. – У тебя настрой «я буду рада выдержать первую неделю» или «я собираюсь выиграть»?

– Разве мы не должны радоваться тому, что пройдем первую неделю? Это ведь не «Кандидат».

– Говори за себя. Я дойду до пятой недели. Судьям понравятся мои смелые решения, но потом меня попросят приготовить традиционные гоббинсы из сала, которые все остальные помнят с детства, а я не буду иметь понятия, что это такое, все испорчу, и меня выгонят с конкурса.

Розалина засмеялась.

– Ладно, думаю, я дотяну до шестой недели, оставаясь неизменно посредственной, а потом судьи наконец-то вспомнят, что я все еще здесь, и мне придется уйти.

– Целься выше, подруга.

Мягко говоря, впечатляло, сколько иронии Анвита смогла вместить в эти три слова.

Возникла короткая пауза, и она не была такой уж неловкой.

– Наверно, – продолжила Анвита, – я обязана спросить, чем ты занимаешься. Я учусь на окулистку, что не так скучно, как кажется, но ненамного.

«Вот и все, Розалина. Скажи этой симпатичной девушке, что ты не занимаешься ничем крутым и интересным. Не придумывай снова замысловатую личную историю. Перестань делать вид, что твоего ребенка, которого ты любишь, не существует, потому что это уже дно».

– Я... мать-одиночка и работаю в магазине.

– Каком магазине?

– Сеть канцелярских магазинов. Живу мечтой.

– И сколько лет ребенку-тире-детям?

– Ребенку. Ей восемь.

– А-а, хороший возраст. – Анвита, казалось, имела хотя бы смутное представление о том, куда она идет, уверенно ведя Розалину из отеля к главному дому. – Достаточно взрослая, чтобы было интересно общаться, но достаточно маленькая, чтобы не вести себя как оторва. У меня есть племянник, которому семь лет. Он замечательный.

– Да, Амели потрясающая, но я понятия не имею, что буду делать, когда она станет подростком.

– Подождать, пока она перестанет быть подростком?

Это был не худший родительский совет, который давали Розалине. Поднимаясь по холму, они миновали небольшой квартал с фургонами, временными беседками и строительными лесами, которые заняли дальний угол участка – место, которое искусно скрыли, чтобы сохранить иллюзию нетронутой загородной красоты.

– Фи-и. – Анвита смотрела на техническое оборудование, из которого, по-видимому, будет создано телевизионное волшебство. – Все ведь происходит на самом деле, да?

– Ну, я не голая, значит, это явно не кошмар.

– Тебе уже выпал шанс изучить конкурентов? – спросила Анвита с видом, который можно было назвать чем-то средним между игривым и безжалостным.

– Не совсем. Вчера я познакомилась с одним парнем. Но я скорее заблудилась с ним, чем *изучала* его.

– Вы заблудились?

– С поездом приключилась целая история, и нам пришлось переночевать в фермерском доме.

От этих слов взгляд Анвиты стал насмешливо-укоризненным.

– Ты провела ночь с парнем и ничего о нем не знаешь?

– Я не знала, что надо было заниматься сбором разведданных.

– Ладненько. – Анвита тяжело вздохнула. – Я поделюсь с тобой своими тайными исследованиями противников, чисто из жалости.

– Хорошо, что у меня нет гордости, иначе я бы возразила.

Наклонившись ближе, Анвита понизила голос до шепота.

– Итак. Самое главное: есть два сногшибательных красавчика.

– Ладно, буду знать. Но насколько это актуально с точки зрения шоу выпечки, в котором мы обе будем рады пройти первый раунд, но втайне хотим победить?

– Это очень актуально с точки зрения того, что я получаю удовольствие. Не пойми меня неправильно, у меня есть парень, и я люблю его до безумия, но какая девушка не любит заглядывать в витрины?

Насколько Розалина могла судить, не было никаких серьезных причин с этим не согласиться.

– Ладно. Расскажи, что там продается.

– Итак, есть Рики. Студент из Саутгемптона – изучает что-то вроде материаловедения. Молоденький, но высокий. Локоны, скулы, отличная улыбка. Играет в футбол или во что-то спортивное, и это заметно. Он будет отлично смотреться с венчиком.

– Я как будто уже с ним познакомилась.

– Еще есть Гарри. Мне не удалось его разговорить, но думаю, он все чинит. Своими руками. Сильными, мужественными руками. Надеюсь, он дотянет до хлебной недели.

– Ты общалась с кем-нибудь кроме привлекательных мужчин?

Розалина понимала, что звучит несколько лицемерно.

– Да. Я разговаривала с Норой. Это бабуля, так что я уверена, что она выиграет. И еще говорила с Флорианом, который, скорее всего, некоторым понравится, ему около пятидесяти, и он явно гей. Есть еще Клаудия, ужасная адвокатесса, и Джози, у которой, как я слышала, больше четырехсот кулинарных книг.

– В моем доме не поместилось бы четыреста кулинарных книг.

– А я бы и не стала их вмещать. У меня есть интернет и телефон. Как у нормального человека.

Завтрак, как оказалось, представлял собой нечто вроде кафетерия на веранде: длинные, неглубокие металлические подносы, наполненные быстро остывающими порциями яиц, бекона, хаш-браунов и других основных продуктов английского завтрака. Веганам, предположила Розалина, придется довольствоваться грибами и тостами.

– Я пытаюсь разобраться, – сказала Анвита, – что будет выглядеть хуже – если наберу все в одну огромную тарелку или буду возвращаться раз тридцать. Потому что я чертовски голодна. И даже если бы не хотела есть, завтрак бесплатный, а смысл бесплатного завтрака в том, чтобы съесть столько, чтобы не есть до следующего бесплатного завтрака.

Из-за нервов и... на самом деле, возможно, только нервов, Розалина потеряла аппетит.

– Наверно, начну с кукурузных хлопьев, а там – как пойдет.

Анвита сокрушенно покачала головой.

– Слабачка.

Они ненадолго разошлись, чтобы поесть заветренной еды. Схватив миску кукурузных хлопьев и стакан ужасно кислого грейпфрутового сока, Розалина огляделась в поисках места, куда можно было бы присесть. Потом она поняла, что ищет Алена, и отругала себя за то, что не сосредоточилась на конкурсе.

В любом случае его не было, а остальные участники в основном расселись по двум столам для пикника, судя по всему, по возрасту. Это немного усложнило Розалине задачу, потому что она чувствовала себя слишком молодой для группы А, которая состояла из пожилой дамы, джентльмена в цветочной рубашке и двух женщин среднего возраста. Группа Б с Анвитой и двумя парнями, похожими на студентов, казалась слишком молодой, крутой и бездетной. В конце концов она выбрала группу Б, полагая, что в понимании Анвиты «слабачка» – это стандартное приглашение поесть вместе.

– Это Розалина, – объявила Анвита, когда Розалина устроилась в конце стола и попыталась начать есть кукурузные хлопья. – Розалина, это Рики и Дэйв.

– Как дела?

Рики весело помахал ложкой. Анвита его не перехвалила, хотя Розалина стремительно приближалась к тому возрасту, когда девятнадцатилетние теряют свою привлекательность.

Дэйв, худощавый мужчина с козлиной бородкой, в рубашке с принтом ламы и головном уборе, который, как опасалась Розалина, был фетровой шляпой, молча кивнул в знак приветствия.

– Мы обсуждали, почему подали заявку на участие в шоу, – сказал он.

– Не хочу быть «той самой девчонкой», – Анвита поправила очки на носу, – но я здесь в основном ради бабуленьки. Она научила меня печь и всему прочему. И я искренне разрываюсь в какой-то момент, когда буду об этом рассказывать.

– Лучше рыдать о бабушке, – сказала ей Розалина, – чем о плоском корже или опавшем безе.

Для Дэйва это явно был эмоциональный разговор, и он повернулся к Рики.

– А что насчет тебя, друг?

Рики всем своим телом показывал, что слишком крут, чтобы беспокоиться о такой мелочи, как национальный телевизионный конкурс выпечки.

– Я хотел чисто поржать. Честно говоря, не ожидал, что попаду сюда.

Не обращая внимания на то, что Розалина еще не ответила, Дэйв положил локти на стол и начал речь, которая казалась заранее подготовленной.

– Я подал заявку, потому что считаю, что у меня совершенно иной взгляд на всю концепцию... – он даже сделал воздушные кавычки, – «выпечки». Марианна и Уилфред замечательные, но очень консервативны в своих взглядах, а я хочу показать людям, что они не обязаны жить так, как от них ожидают.

В наступившей тишине Анвита, Розалина и Рики, не говоря и не двигаясь, дали понять друг другу, что никто из них понятия не имеет, как реагировать.

– И как ты, – заговорила Розалина, – собираешься показать им это... делая торты?

– А что есть, – снова воздушные кавычки, – «торты»?

* * *

После завтрака их поспешно провели в балльный зал главного дома для инструктажа. С некоторых ракурсов все выглядело точно так же, как по телевизору. Разумеется, это были те ракурсы, на которые были направлены камеры, где на фоне нелепого барочного великолепия располагались раскрашенные во все цвета радуги рабочие места. С менее лестного ракурса все представляло собой провода, пульты и людей в черных футболках, делающих непонятные жесты руками. К тому же, как быстро поняла Розалина, это место ужасно не подходило для приготовления пищи, поскольку залу было двести сорок лет, он был огромный, гулкий и предназначен для того, чтобы в нем танцевали. Сейчас здесь было неприятно холодно. И, если учесть десять мини-кухонь и осветительную установку, то примерно к половине десятого здесь станет некомфортно жарко. А к полудню станет невыносимо жарко.

Неудивительно, что в прошлый раз один из конкурсантов разрыдался над своим шербе-том.

Наконец, им разрешили пройти к ряду табуретов, где они расположились и стали ждать дальнейших инструкций. Последний инструктаж проводила продюсер шоу. Дженнифер Халлет оказалась высокой женщиной лет тридцати, с длинными песочно-каштановыми волосами и поведением, которое, в целом, говорило о том, что она не приемлет глупостей.

– Для начала, – сказала она им. – Нужно запомнить некоторые моменты. – Она начала загибать пальцы. – Вокруг будут камеры: старайтесь не обращать на них внимания, пока кто-нибудь не задаст вам вопрос. Если вам задают вопрос, старайтесь ответить так, будто вы не отвечаете на вопрос. Иногда мы будем просить вас сделать что-то еще раз – вас это будет раздражать, но смириться, котята, это телевидение.

Она прервалась, чтобы сделать небольшой вдох.

– И последнее, помните, что это семейное шоу, так что выкиньте из своего организма «говнюк» и «ублюдок» до того, как мы включим камеры, потому что вы заперете мне материал, а если я что-то, к хренам, ненавижу, так это когда мне портят материал. Кажется, что четырнадцать часов – это долго, но давайте будем реалистами, недоумки: десяток людей будут печь торты в шикарном доме, и девяносто пять процентов происходящего будет смертельно скучным. Так что если какой-нибудь сукин сын испортит наш единственный хороший кадр с шатающимся тортом или заматерится над разбитой посудой, я лично брошу его сиськи и/или яйца в блендер.

Пробегаая взглядом по ряду конкурсантов, она целенаправленно устанавливала зрительный контакт с каждым, чтобы подчеркнуть, что предельно серьезна.

– Это все, что я смогла сейчас вспомнить. Но позвольте напомнить вам, что вся моя ссаная работа зависит от того, посчитает ли вас британская публика очаровашками, поэтому застенчивые улыбки и слащавые веселые истории о ваших семьях – на вес золота, но, черт возьми, держите свое мнение о Боге и премьер-министре при себе. Удачи, веселья, и не заговаривайте со мной, если только не будете заживо гореть.

С этими словами она ушла, оставив Розалину в раздумьях, какой ее считать: пугающей или сексуальной. В этот момент помощник Дженнифер, нервный Колин Тримп, взял на себя командование, и их наполовину уговорили, наполовину принудили занять соответствующую телегеничную позицию перед появлением судей.

Двух судей сопровождала давняя ведущая шоу, Грейс Форсайт, чья работа, насколько Розалина могла судить по просмотренным сериям, заключалась в том, чтобы привносить в происходящее смесь старой доброй эрудиции и откровенной пошлости. Она была из тех ведущих, которым сходило с рук многое из того, что обычно не позволяли другим, поскольку она была национальным достоянием – то есть выглядела как двоюродная бабушка, одетая как трансвестит, и любила хвастать тем, как принимала наркотики в Букингемском дворце.

– Таллихо, пиф-паф! – Она приветствовала конкурсантов, как будто они были стипендиатами в престижной школе-интернате для девочек. – Добро пожаловать в теплые, сдобные объятия нового сезона «Пекарских надежд». В течение следующих восьми недель вы будете соревноваться, чтобы поразить судей своим кулинарным мастерством в погоне за, с позволения сказать, довольно вульгарным денежным призом в десять тысяч фунтов. И, что еще важнее, вы сможете забрать домой гравированный кусочек торта, на котором будет написано, что вы победили в конкурсе.

Камера определенно была направлена в сторону Розалины, и она надеялась, что выглядит подобающе радостной от того, что находится здесь, а не уставшей, растерянной, ошеломленной и размышляющей, не зря ли ела кукурузные хлопья.

– Как всегда, – продолжила Грейс Форсайт, – вас будет судить дедушка нации, невероятно талантливый Уилфред Хани, и великолепная Марианна Вулверкот, которая покорила страну своими булочными.

– Здесь уместнее термин «кондитерские магазины», – сказала Марианна Вулверкот. Она была из тех женщин, которые могли протяжно произнести практически все, даже слова без долгих гласных, и каждый ее жест выглядел так, будто при этом в руке был мундштук.

– Торт останется тортом, дорогая, как его ни назови. – Послушно отшутившись, Грейс Форсайт хлопнула в ладоши, как хозяйка игры. – Итак, первый наш раунд, как всегда, – выпечка вслепую. Вы проверите свою... черт, простите, дорогие, я запорола хренову строчку.

Прошло мгновение, прежде чем все начали заново.

– Как всегда, наш первый раунд – выпечка вслепую. Сегодня мы проверим ваши кулинарные способности с помощью классического лакомства, которое, по легенде, было впервые приготовлено для Марии Стюарт, королевы Шотландии. Но на самом деле его придумала мармеладная компания из Данди.

Ох, не может быть, чтобы Розалине так повезло. Она оглянулась в поисках Алена, которого из-за роста отсадили назад, и они заговорщически переглянулись.

– Все верно. – Грейс Форсайт кивнула. – Мы просим вас приготовить идеальный, классический с сухофруктами, миндальной верхушкой и капелькой виски, – последнюю часть она произнесла с заметным шотландским акцентом, что, по мнению Розалины, было чересчур, – Данди-кейк.

Да. Они смотрели его рецепт сегодня утром. Он был в «Тортах от Миллов».

– И он будет по моему рецепту, – добавил Уилфред Хани, – поэтому я надеюсь, что вы будете особенно внимательны. Потому что, если все выйдет как надо, обещаю, это будет высший класс.

* * *

«Бланшируйте миндаль», – гласила первая строка хайку, которое служило инструкцией.

И вдруг Розалину захлестнула огромная волна нереальности происходящего. Какого черта она, собственно, тут делает? Каким образом докатилась до того, что вообразила, будто выпечка Данди-кейка перед камерами исправит ее жизнь? А сейчас, глядя на чайник и миску с орехами, отчетливо осознала, что это ничего не исправит.

Чуть меньше десяти лет назад она училась в одном из самых престижных университетов мира. И если бы продолжила учиться, то через три года стала бы квалифицированным неврологом, кардиологом или еще каким-нибудь впечатляющим специалистом. Спасала бы жизни или расширяла границы человеческих знаний. И у нее были бы заботы важнее, чем вопрос, как долго нужно бланшировать миндаль – две минуты или пять.

А в самом деле, бланшировка миндаля занимает две минуты или пять? Имеет ли это вообще какое-то значение?

Хуже всего было то, что она дошла до такого состояния сама. У нее были все преимущества. Превосходные школы. Состоятельные родители. Хорошие зубы и стопроцентное зрение на оба глаза. Но ничто из этого не компенсировало ее способность принимать поистине чудовищные решения.

В конце концов, она могла бы отреагировать на измену Лорен как взрослая женщина и простить ее, вместо того чтобы возвращаться к парню, который ей почти не нравился. Могла бы не забыть о презервативах. Даже после того, как решила оставить ребенка, могла бы позволить родителям ей помогать, как они того хотели, и вернуться в университет. Но нет, она настояла на том, чтобы самой воспитывать Амели. Присутствовать в жизни дочери. Дать ей такое детство, какого не было у Розалины. Вот только, если отмотать время назад, она была не в состоянии

дать дочке и половины того, чего та заслуживала, и пыталась компенсировать это участием в реалити-шоу, которое прославилось в первую очередь тем, что однажды кто-то сел на чужой бисквит.

– Чем вы занимаетесь? – Колин Тримп был тут как тут, а также камера, оператор, звукооператор и микрофон.

– Сомневаюсь в мудрости каждого выбранного мною решения. – Черт. Она сказала это вслух?

Колин Тримп улыбнулся своей самой скупой улыбкой.

– Это мило. Но давайте запишем еще раз, как если бы вы не отвечали на вопрос.

– Не уверена что «сомневаюсь в мудрости каждого выбранного мною решения» звучит прекрасно на национальном телевидении.

– Не волнуйтесь. Конкурсанты постоянно произносят подобные реплики. Это помогает им выглядеть правдоподобно.

Розалина замешкалась, пытаясь понять, что хуже – то, что она подписалась сделать эту объективно бессмысленную вещь, или то, что пытается отказаться от объективно бессмысленной вещи, которую подписалась сделать.

– Итак, в данный момент, – сказала она, стараясь, чтобы ее слова были хотя бы немного похожи на шутку, – я пытаюсь решить, как долго бланшировать миндаль, и сомневаюсь в мудрости выбранного мною решения.

* * *

Они прервались на поздний обед, чтобы команда успела сделать гламурные снимки выпечки, которая, в некоторых случаях, выглядела не так уж гламурно. Розалина хотела догнать Алена, но его, Анвиту и еще нескольких участников увели на интервью. Из-за этого Розалина чувствовала себя как в первый день в школе, пытаясь самостоятельно сориентироваться в сырых сэндвич-роллах.

Сжимая в одной руке печального вида сыр и соленый огурец, она подошла к тележке с чаем и обнаружила, что стоит рядом с человеком, который, по-видимому, был вторым потрясающим красавчиком Анвиты – парнем с мужественными руками, чью обтягивающую футболку, по мнению Розалины, никак нельзя было назвать соблазнительной.

– Чайку, милая? – спросил он.

Боги, он из *тех самых*. И да, его руки говорили: «Мы такие благодаря честному труду», а ресницы были как у олененка. И да, его джинсы топорщились в тех местах, куда приличные девушки не должны смотреть. Но это закончится одним из двух вариантов: либо она скажет ему, чтобы он перестал называть ее «милой», и он начнет защищаться и заставит ее чувствовать себя дерьмово, либо не скажет и будет чувствовать себя дерьмово по собственной вине.

Выбрав тот сорт дерьма, при котором она хотя бы не устроит сцену, она стиснула зубы.

– Да. Спасибо.

– Вот, держи.

Он поднял большой серебряный кувшин, на который кто-то услужливо наклеил этикетку «Чай», и наклонил его над первой из двух чашек. Ничего не произошло. Он снова опустил его и попробовал надавить на верхнюю часть. Ничего.

– Вот черт.

– Иногда кнопку делают на ручке, – предположила Розалина.

Он пригляделся к кувшину.

– Чего я не понимаю, так это почему их не делают так, чтобы все они работали одинаково.

– Возможно, чтобы сделать нашу жизнь интереснее.

– Если мне захочется чего-то интересного, я послушаю радио. Сейчас я просто хочу выпить чертов чай.

– Может, снимешь крышку?

– Зная свою удачу, я ее сломаю. А потом придется идти к тому парню, Колину, и говорить: «Приятель, я кое-что у вас сломал, прости». А он такой: «О, это ужасно, Дженнифер расстроится». А я такой: «Друг, это не моя вина. Надо было сделать так, чтобы чайники работали одинаково».

Розалина моргнула, застигнутая врасплох размахом чайной катастрофы.

– Ладно. Новый план. Я сниму крышку.

Отступив назад, он поднял руки, как будто его держали на мушке.

– Как скажешь, милая.

Именно в этот момент Розалина поняла, что не сможет налить чай мужчине, который продолжает говорить с ней так, будто наливать чай – одно из очень ограниченного набора дел, на которые она способна.

– Прости, не хочу показаться странной, но... ты можешь не называть меня «милой»?

Он на мгновение удивился, а затем пожал плечами.

– Да, лады. Я ниче такого не имел в виду.

Та часть Розалины, которая, несмотря на все усилия, все еще оставалась дочерью своего отца, так и зудела, исправляя его грамматику. Конечно, Лорен могла бы возразить, что диалект – важная черта личности, а правила о двойных отрицаниях были придуманы кучкой неуверенных в себе придурков в семнадцатом веке, которые считали, что английский должен быть либо как математика, либо как латынь. Но Розалина была воспитана в убеждении, что в таких вещах есть свои правила, и нельзя опускать «г» или «х» или позволять гортанной согласной заменять вполне функциональное «т».

– Наверняка так и есть, – сказала она вместо этого, – но ты бы не стал меня так называть, если бы я была мужчиной.

Казалось, он задумался. По мнению Розалины, тут не было ничего сложного, но по крайней мере он не стал кричать на нее.

– Если бы ты была парнем, я бы, наверное, называл тебя «друг».

– Знаешь, – в итоге она сказала резче, чем хотела, – ты всегда можешь звать меня по имени.

– Тогда как тебя зовут? – Он улыбнулся ей. Не такой улыбки она ожидала от человека, который выглядел как он или говорил как он. Улыбка была почти застенчивая и, как ни странно, искренняя.

– Кстати, я – Гарри. Хоть ты и не спрашивала.

– Ой, прости. Я – Розалина.

– Как? – переспросил он. – *Розалина*?

– Да. Как в «Ромео и Джульетте».

– Слушай, я не очень хорошо учился в школе, но... – он нервно посмотрел на нее. – Разве девушку из «Ромео и Джульетты» не зовут... Джульетта?

Этот разговор тянулся целую вечность. И, честно говоря, она могла бы обойтись без него.

– Розалина – это девушка, в которую Ромео был влюблен в начале пьесы. Он забывает о ней, когда видит Джульетту.

– Твои родители называли тебя в честь девчонки, которую бросили в пьесе?

– Ее не бросили. Она дала обет целомудрия, поэтому у Ромео не было с ней шансов.

– Тебя называли в честь *монахини* из пьесы.

Это звучало дурно. Она никогда не задумывалась об этом. Большинство людей мирились с непонятной отсылкой к Шекспиру и не развивали эту тему.

– Формально ее нет в пьесе. Она упоминается только в нескольких сценах.

– Тебя называли в честь монахини из пьесы, которой даже нет в пьесе?

– Это не так уж странно. – Она уже сама начала беспокоиться, что это на самом деле странно. – Наверно, им просто понравилось имя.

Он поморщился.

– Прости, не пойми меня неправильно. Это очень красивое имя, и ты – девчонка-красотка. Я не так часто встречаю Розалин.

А ведь все было так близко к тому, чтобы кончиться хорошо.

– Я не хочу давить, но не мог бы ты не говорить «девчонка» и «красотка»? Я здесь, чтобы печь, и когда ты делаешь акцент на моей внешности, я нахожу это несколько унижительным.

Это было несколько лицемерно, учитывая, насколько внимательно она его разглядывала. Но она ведь не поздоровалась с ним со словами: «Привет, ты секси, и задница твоя тоже». Хотя гендерная динамика такова, какова она есть, – возможно, он был бы не против.

– Какой ужас. – На его лице отразился легкий шок. – Я все испортил, да?

– Все в порядке. Просто мы не в пабе, и ты не пытаешься меня подцепить.

По крайней мере она надеялась, что не пытается. По крайней мере она почти на это надеялась.

– Вряд ли мы ходим в одни и те же пабы, друг.

В кратком, но крайне неловком молчании, последовавшем за этим, Розалина решила, что лучше сосредоточить все внимание на том, чтобы налить из диспенсера чай. Она что-то подкрутила, надавила и, с несоразмерным триумфом, была вознаграждена струей горячего чая, которая аккуратно потекла в ее чашку.

И все текла.

И текла.

Гарри спокойно подставил свою чашку под носик.

– Здорово. А как теперь остановить?

– Я... я думала, что кнопка автоматически поднимется.

Но она не поднималась автоматически. А чай уже начал проливаться в блюдце Гарри. Взмахнув рукой над дозатором, Розалина попыталась, подобно Кнуду², повернуть вспять прилив коричневой жидкости, который нечаянно вызвала. У нее это получилось примерно с тем же успехом, что и у него.

– Не передашь мне еще одну чашку? – спросил Гарри.

Розалина передала ему еще одну чашку. Они наблюдали, как она медленно наполняется.

– Не передашь мне еще одну... другую чашку? – спросил Гарри.

Розалина передала ему еще одну чашку.

– Наверно, стоит поискать постоянное решение.

– Он должен закончиться рано или поздно. Он не настолько большой.

Они наблюдали, как чай неуклонно наливается по стенкам третьей кружки, словно в самом медленном и благопристойном фильме-катастрофе. Без всякой подсказки Розалина взяла четвертую кружку из быстро уменьшавшейся стопки.

Без комментариев, кроме бормотания, которое было похоже на «привет», Дэйв прошел мимо них, взял чашку, которую Розалина налила для себя, прихватил пакет молока и ушел.

Гарри постукивал пальцами там, куда не пролился чай.

– Так что там с постоянным решением?

– Понятия не имею. Давай сбежим и притворимся, что это были не мы?

– Вряд ли у нас это получится. – Он подставил пятую кружку. – Но ты иди. Спасайся. Скажи моим родителям, что я пал в бою.

² В Англии популярна притча про короля Кнуда и прилив, который он не смог остановить. *Прим. ред.*

– Я не могу тебя бросить, – запричитала Розалина, не совсем понимая, шутили они или нет. – Это моя вина.

– В чем твоя вина? – Колин Тримп выскочил, как кусок недожаренного тоста. И тут он увидел бесконечный поток чая. – Ничего себе! Как это случилось? Дженнифер будет в ярости!

Розалина застыла, уставившись на него.

– Простите. Но это не наша вина. Надо было сделать так, чтобы чайники работали одинаково.

* * *

Подавая заявку на участие в конкурсе «Пекарские надежды», Розалина говорила себе, что это план с низким риском и большой наградой. Если все удастся, она выиграет приличный денежный приз и, судя по опыту бывших участников конкурса, получит кучу возможностей для карьерного роста, которые никак иначе ей не доступны. А если ничего не получится, она вернется к тому, с чего начала: будет должна родителям денег, будет беспокоиться о будущем Амели и чувствовать себя несостоявшейся как личность. Только обычно она чувствовала себя несостоявшейся в неопределенном, лишенном ориентиров смысле и думала о том, что могло бы быть. А теперь она позволяет кучке знаменитостей выставлять себя неудачницей по конкретным причинам, из раза в раз выступая по национальному телевидению.

И это увидят ее родители.

И друзья родителей.

И родители скажут ей, что их друзья тоже видели. А потом они очень серьезно будут спрашивать, почему она решила пойти на кулинарное шоу, она пожмет плечами и скажет: «Извините, не знаю. Думала, что это как-то поможет, но это явно не помогло». Они бы не стали ей звонить. Всегда можно понять, одобряют ли что-либо Корделия и Сент-Джон Палмер, по их отказу называть вещи своими именами.

Вот о чем задумалась Розалина, пока сидела вместе с остальными участниками, пытаясь изобразить бесстрастное лицо, пока Марианна Вулверкот и Уилфред Хани обсуждали выпечку одну за другой и в конце концов объявили, какая из них лучшая и, что более важно для будущего в конкурсе, худшая. И снова Розалину поразила тривиальность происходящего. Ее отец на той неделе, вероятно, спас жизни по меньшей мере трем людям, и миллионы людей ежедневно получают пользу от исследований ее матери, а чего добилась Розалина? Ей крупно повезло, если у нее получились орехи приятной текстуры.

Критика в основном прошла как в тумане, и от того, что остальные конкурсанты были, по мнению Розалины, рассеянны, лучше не стало. Дэйв, на котором по-прежнему была фетровая шляпа, выступил весьма неудачно, передержав кекс в духовке. А Алэн то ли потому, что и в самом деле был гениальным кулинаром, то ли потому, что она показала ему гребаный рецепт в то гребаное утро, разгромил всех.

Когда подошла очередь Розалины, Марианна Вулверкот назвала ее выпечку хорошей, а распределение сухофруктов – исключительно равномерным. Затем она оторвала миндаль от верхушки, осторожно положила его между зубами и надкусила.

– Недостаточно бланшировался.

Розалина едва не заплакала.

* * *

Она не знала, как ей удалось пройти интервью в конце дня. В основном она кивала, улыбалась и пыталась придумать разные способы сказать: «Все прошло хорошо, но могло быть и лучше». Ее чувство реальности оставалось размытым. Возможно, так было просто потому, что

все, что они делали, было наигранным, но съемки требовали так много остановок, повторов и ожиданий инструкций, что казалось, будто все это никак не связано.

Ее мысли постоянно возвращались к тому, что бы она делала, если бы была дома. Если бы она действительно занималась материнством, она бы уже убедила Амели заняться правописанием. А если бы занималась жизнью, постирала бы белье в пятницу и сумела отложить визит к родителям до воскресенья, так что субботу – при условии, что у нее не будет смены на работе, – можно было бы официально объявить «Днем Розалины и Амели». Это означало, что каждый смог бы выбрать себе занятие по душе – или, на деле, Амели выбрала бы то, чем хочет заниматься она, а Розалина – то, чем хотела бы заняться Амели. Они ходили бы в парк или в бассейн, или Амели играла бы в космонавтов, и они бы строили ракету из двух кресел и пылесоса. Часто бы пекли. И, безусловно, благодаря помощи Амели готовое блюдо получалось бы, как сказали бы судьи, «домашним». Но выпечка в тесноте их кухоньки, с дочкой, измазанной в продуктах, которые, как могла бы поклясться Розалина, они даже не доставали, была одна из немногих вещей, которые давали надежду на то, что все будет хорошо. Что, быть может, у них уже все хорошо.

Конечно, следующие восемь недель, каждую субботу Амели будет сидеть дома с тем, кого Розалине удастся упросить с ней посидеть, в то время как сама Розалина упустит очередной отрезок слишком короткого времени, когда ее дочери приятно проводить с ней время. И разве это того стоит? Она провела несколько часов в поезде и ночь на фермерском чердаке лишь затем, чтобы посредственно выступить на конкурсе выпечки.

Надо было позвонить домой, но из-за выпечки, судейства, недобланшированного миндала и растущего ощущения, что она приняла очередное ужасное решение, она не знала, сумеет ли держать себя в руках. И хотя Амели, скорее всего, ничего бы ей не сказала, звонить ребенку и устраивать ему экзистенциальный кризис – это не поведение родителя года.

Может быть, стоит найти Анвиту и устроить ей экзистенциальный кризис. Ведь именно так можно поступить с человеком, которого ты видишь всего раз в жизни, верно? Но когда она прошла по газону, то увидела, как Ален заканчивает свое победное интервью. Долгий день только-только начинал одолевать его, хоть это и сказалось лишь на том, что его искусно уложенные волосы стали выглядеть чуть менее искусно и немного растрепались. В какой-то степени это ему шло. Эдакий слабый намек на то, что его самообладание может быть подпорчено при подходящих обстоятельствах. Или из-за верной заданных вопросов.

– Ну конечно, я очень рад, – говорил он с полуулыбкой, от которой, как была уверена Розалина, несколько ключевых демографических групп сойдут с ума. – Думаю, мне несколько повезло, но... да. Соглашусь. А что касается завтрашнего дня, скажем так, у меня есть кое-какой козырь в рукаве. – Он замолчал, его глаза метнулись к оператору. – Как все прошло? Вы сняли все необходимое?

Операторы сняли все необходимое, и Ален отошел от переплетения огней, микрофонов и пультов, чтобы подойти к Розалине. Которая мешкала, не в силах решить, нужен ли ей сейчас разговор с человеком, который, возможно, был ей интересен. Или совсем нет.

– Что ж, все прошло хорошо, – сказал он. Эту фразу Розалина почти никогда не слышала в несаркастическом ключе, но, судя по тому, как Ален улыбался, он, похоже, имел в виду именно это. – И большое спасибо, что позволила утром просмотреть свои книги – вряд ли я бы выиграл, если бы ты этого не сделала.

Она пожала плечами.

– Не переживай. Мне просмотр рецепта не очень помог.

– Чепуха. У тебя получилось гораздо лучше, чем у многих.

Возможно, он был прав. Или просто пытался быть милым. Трудно было судить, потому что это было такое шоу, где важны были только лучшие и худшие, а все остальные были посередине.

– Честно говоря, начинаю задаваться вопросом, что я вообще здесь делаю.

– Розалина, Розалина. – Он смотрел на нее сверху вниз. Его глаза светились теплом. А затем взял ее за руки. – Давай присядем.

Она позволила ему подвести себя к бревну, которое, казалось, было буквально создано для того, чтобы на нем сидели вечером и вели душевные беседы при свете луны у пруда с утками. Ох, боже мой, помогите. Он проявляет к ней доброту. Розалина не принимала того, что к ней могут проявлять доброту. От этого у нее складывалось ощущение, будто она украла помаду. Только помада была сделана из времени и эмоциональной энергии.

– Это просто глупость. – Она отмахнулась, как надеялась, пренебрежительно. – Честно. Я в порядке.

Повернувшись к ней всем телом, он посмотрел на нее с выражением сочувствующего понимания.

– Все нормально. У всех бывают моменты неуверенности. Наверно, ты волнуешься, что это отнимает у тебя время для учебы.

Какой учебы? Черт. *Той самой* учебы. Той, о которой она лгала, чтобы казаться крутой, или стоящей, или просто... быть лучше. Быть девушкой, которая может заинтересовать Алена. Пришла пора признаться. Она должна признаться. Нельзя продолжать его обманывать.

– Ну, – услышала она свои слова, – разве что немного.

Он на мгновение замолчал, всерьез задумавшись над ее воображаемой проблемой.

– С моей точки зрения, это время ты могла бы потратить на учебу. И, наверное, получила бы степень выше той, на которую надеешься, если бы оставалась дома каждый вечер и училась – но это касается любого дня, независимо от того, участвуешь ты в шоу или нет. И я уверен, что большинство твоих однокурсников тратит время, которое ты тратишь на выпечку, чтобы готовить «Егербомбы» в студенческом общежитии и, как я слышал о студентах-медиках, подкладывать отрубленные головы в спальни друг другу.

Это была бы потрясающая ободряющая речь, если бы она в самом деле училась в университете.

– Да, но... что, если шоу сильно меня отвлечет, то в итоге, гипотетически, я могу вообще не стать врачом.

– Этого не случится, Розалина. Это же всего восемь недель лета. Ты уже многого добились. У тебя впереди вся жизнь, и даже если не пройдешь до полуфинала – а я считаю, что пройдешь – добавишь еще одну стрелу в колчан своих навыков.

И он снова попал в точку. Но не с ней. Ведь проблема Розалины была в том, что у нее не было колчана и лука. И поэтому участие в этом шоу было для нее просто бесполезным клубком ниток.

– Я имею в виду, – продолжил он, – ты не похожа на... ой, забыл, как ее зовут. Джози? О такой... сейчас о них говорят «плюс-сайз».

Розалина бросила на него слегка растерянный взгляд.

– Сейчас не принято судить людей по телосложению.

– Разве? – Он одарил ее заговорщицкой улыбкой. – Или мы просто вежливо делаем вид, что не судим?

Она не знала, что на это ответить. Потому что ей хотелось, чтобы ответ был «нет, конечно, нет», но она была уверена, что многие ответили бы «да, наверно». И не знала, чем бы считалось ее признание – смелостью или беспомощностью.

Прежде чем она успела ответить, Ален вернулся к своей мысли.

– В любом случае у этой Джози, жены викария, вся работа состоит в том, чтобы расставлять цветы да не давать опадать бисквиту на приходских собраниях. Этот конкурс, по сути, для нее все. Он – кульминация ее карьеры. Для тебя, меня и Клаудии это испытание, но совершенно не обязательное.

Ладно. Не время говорить ему, что она бросила университет. И что ближе всего к Малави была, когда родители возили ее на каникулы во Флоренцию.

– А еще есть Рики, – его глаза озорно сверкнули, – который явно думал, что подает заявку на «Остров любви».

Несмотря на все, Розалина засмеялась.

– А ты язвительный, знаешь об этом?

– Да, только никому не рассказывай. Я веду себя так только с теми, кто мне нравится.

Она одарила его лукавой улыбкой.

– Ну надо же, сколько у тебя секретов.

– Ты так считаешь? Тогда тебе придется найти какой-нибудь креативный способ выудить их из меня.

– Ну хорошо. – Примечательно, что ей стало немного лучше. Потому что, хоть она и не была полностью с ним откровенна, сейчас, когда они разговаривали, эта связь была... настоящей? Ведь правда? – Может, начнешь с того, что расскажешь, какой козырь у тебя припрятан в рукаве на завтра?

– Это не похоже на выуживание. Скорее на просьбу.

– Ты удивишься, как далеко я могу зайти прямыми вопросами. Так что давай. Испорти мне большой сюрприз.

– Когда ты так говоришь, начинает казаться, что я перестарался с рекламой.

– Ты отлил собственную форму для торта?

Он засмеялся.

– Нет, и я не знаю, чем бы мне это помогло.

– У тебя особая мука? Из пчелиного порошка и переработанных шезлонгов?

– Вообще-то она сделана из измельченного рога единорога и детских желаний.

– Я точно знаю, что рог единорога нельзя купить из-за «Закона о продаже товаров 1979 года». Что ты на самом деле задумал?

– Увы, – его голос принял тон насмешливого отчаяния, – ты меня подловила. Я использую простую муку, как обычный человек. И волнуюсь, что вот-вот тебе проговорюсь.

Розалина придвинулась ближе и дразняще улыбнулась.

– Тогда надо было все сразу мне рассказать, тебе не кажется? Ты научил мартышку делать французские меренги?

– Это нарушило бы «Закон об исчезающих видах 1973 года». – Он посмотрел на нее сверху вниз. Розалина не могла сказать точно, но ей показалось, что он покраснел. – Вообще-то я... Сам собирал мяту. И теперь, когда произношу это вслух, это звучит не как козырь в рукаве, а как будто я собрал травки в лесу.

– Ой, ты прав. Это и впрямь несколько разочаровывает.

– И чья это вина? – спросил он, улыбаясь сквозь блики уходящего солнечного света.

– Ты хочешь, чтобы я еще и это попыталась угадать?

Он наклонился к ней.

– Наверно, я лучше...

– Напитки в баре! – крикнула Анвита с расстояния, которое не требовало крика. – Вы идете?

– Не знаю. – Розалина подняла глаза на Алена. – Идем?

– Я бы с радостью, – сказал он, – но подъем в четыре утра берет свое. Ты не сочтешь меня ужасно скучным, если я лягу пораньше?

– А ты останешься, если я скажу «да»?

– Я бы попытался, но потом бы заснул у тебя на плече, и ты все равно сочла бы меня ужасно скучным. – Он еще раз поцеловал ее в щеку. – Увидимся завтра, Розалина-эм-Палмер. Приятного вечера.

Она наблюдала, как он удаляется в сторону коттеджа. Он поступил по-взрослому разумно, и Розалине, наверно, следовало поступить так же. К сожалению, она достигла той стадии усталости, которая ощущалась как беспокойство, и ей не хотелось лежать в постели, бессмысленно волнуясь о завтрашнем дне.

– Ты идешь? – крикнула Анвита все с того же расстояния, с которого кричать не обязательно.

– Дай мне десять минут. Мне просто нужно... – Розалина хотела сказать «позвонить дочке», но Алэн все еще был на расстоянии вытянутой руки, и хотя ей нужно было когда-нибудь сказать ему правду, кричать об этом не стоило.

Чувствуя себя гораздо двуличнее, чем хотелось бы, она поспешила к Анвите, которая наблюдала за уходом Алэна.

– Это с ним ты заблудилась вчера вечером?

– Ну да, – скромно ответила Розалина. Как будто то, что она застряла на вокзале с Алэном, хоть как-то отражало ее вкус относительно людей, с которыми можно застрять на вокзале.

– Повезло.

– Спасибо.

Не так уж повезло, если учитывать, что он по-прежнему считал ее сексуальной студенткой-медиком, которая путешествует по миру.

– Конечно, я бы не назвала его горячим красавчиком, – продолжила Анвита, – но точно теплым.

– Я – мама с полной занятостью. «Теплый» мужчина – это, наверно, все, на что я могу надеяться.

– Не продавай себя дешево. У тебя могут быть красавчики любой температуры, какой ты захочешь. Это одно из преимуществ современной независимой женщины.

Честно говоря, Розалине для разнообразия не помешало бы почувствовать себя более современной и независимой. Из-за алиментов от отца Амели – оскорбительно малой суммы пособия, на которое она имела право, и нерегулярных подачек родителей она была болезненно зависима от других людей. Но при этом, как ни странно, была полностью самостоятельной, когда дело касалось важных вещей.

– Ну, прежде всего я хочу быть современной независимой женщиной, которая победит в конкурсе выпечки.

– А разве ты не можешь быть современной независимой женщиной, которая победит в конкурсе выпечки и попутно закусит бутербродиком с мужчинкой? – спросила Анвита.

Она пристально посмотрела на Анвиту.

– Я бы не стала называть Алэна «закуской».

– Может, и нет. У него вайбы постоянного партнера, значит, он... обед?

– Как долго, по-твоему, длится обед?

– В моей семье? Очень долго.

Розалина рассмеялась.

– Кстати о семьях, мне нужно позвонить дочке.

– Без проблем. Что тебе заказать?

– Э-э... – Прошло очень много времени с тех пор, как симпатичная девушка предлагала Розалине выпить. Это было предложено явно платонически, но она все равно замешкалась. – Наверное, вино.

– Дешевое красное или дешевое белое?

– Если ставить вопрос под таким углом, то без разницы.

Анвита исчезла в главных дверях отеля, а Розалина устроилась под деревом с телефоном. Амели уже полчаса как должна была спать, и сейчас как раз самое время, чтобы позвонить домой и узнать, как она.

– Роз, дорогая. – Лорен называла ее «дорогой Роз» только когда дурачилась или пыталась что-то скрыть. – Как дела? Амели наверху и спит как младенец.

– Передай ей трубку.

– Я не понимаю, на что ты намекаешь.

– Лорен.

На другом конце телефона послышалось шушуканье, затем раздался голос Амели.

– Привет, мамочка.

– Ты уже должна лежать в постели.

– Тетя Лорен разрешила мне не спать, пока ты не позвонишь.

Разумно. А еще это явная ложь.

– Хорошо провела день?

– Да. Мы играли, ели торт и смотрели телевизор. Тетя Лорен проверила у меня правописание, но она его плохо знает, поэтому у нее получилось не очень.

– Не говори плохо о тете Лорен.

Розалина практически слышала негодование на лице Амели.

– Я не говорю плохо. Я говорю правду. Мы всегда должны говорить правду.

– Но не плохую. Теперь ты знаешь, что уже пора спать, поэтому пожелай тете Лорен спокойной ночи и ложись в постельку прямо сейчас.

– Не хочу спать.

– Ну, тогда ложись и закрой глазки, и скоро уснешь.

Ерунда. Розалина прекрасно знала, что, если ты не устала, лежать и пытаться устать не получится. Но детям нужен режим, и поэтому приходится говорить то, что нужно.

– Вряд ли у меня получится. Я пробую каждую ночь, и на это уходит целая вечность. А иногда вообще не помню, как засыпаю, но, скорее всего, сплю, потому что не помню, как просыпаюсь.

– Уже пора спать, Амели. Иди в кровать.

Прошло десять секунд, в течение которых было очень вероятно, что Амели начнет возражать.

– Хорошо, – сказала она вместо этого. – Я люблю тебя до луны и обратно.

– И я тебя люблю до луны и обратно. Передай трубку тете Лорен.

Снова шушуканье, и трубка оказалась у Лорен.

– Если я узнаю, что она на самом деле не легла спать... – сказала Розалина своим лучшим родительским голосом.

– Ляжет, я не совсем безнадежна.

Розалина вытянула ноги, чувствуя под собой прохладную траву.

– А я и не говорила, что ты безнадежна. Но тебе никогда не попадались правила, которые ты не хотела бы нарушить.

– Я просто учу твою дочку здравому неуважению к авторитетам.

– Ты хоть понимаешь, что сама авторитет, пока не придет моя мама?

– Вот черт. Об этом я не подумала. – Не задерживаясь на неприятной мысли, Лорен быстро сменила тему. – Ну и как оно? Ощущаешь себя частью шоу-бизнеса?

– Не совсем. Приходится стоять и отвечать на один и тот же вопрос по двадцать раз. Мне удалось приготовить посредственный Данди-кейк и вляпаться в проблему с одним из участников.

Лорен, конечно, сразу же за это ухватилась.

– Да тут, похоже, целая история.

– И не особо хорошая.

– Я тебя умоляю. Я весь вечер смотрела детское телевидение, и хотя некоторые шоу восхитительно сюрреалистичные, я очень изголодалась по человеческим драмам. Расскажи, в какую проблему ты вляпалась и как сильно испачкаешься, если попытаешься выбраться.

– Ладно. – Розалина вздохнула. – Помнишь, вчера вечером я рассказывала тебе, что мне пришлось ночевать в фермерском доме? Так вот, вместе со мною застрял кое-кто из шоу, мы разговорились, и он оказался сексуальным, интересным архитектором, путешественником и все в таком духе.

– Это не похоже на то, что ты вляпалась в проблему, Розалина. Смахивает на обычный разговор.

– Я как раз подхожу к вляпыванию. Она неминуема, и после нескольких раз слово «вляпаться» уже кажется странным. Короче, смысл в том, что я вляпалась...

– У вляпываний не бывает смысла, милая, – протяжно сказала Лорен. – Это дано в определении.

– Ой, иди учиться правописанию. Суть в том, что когда дошло до того, что он вежливо спросил меня, чем я занимаюсь, я запаниковала. И вместо того, чтобы ответить: «Я мать-одиночка, которая работает в магазине», я ответила: «Я студентка-медик, которая провела несколько лет в Малави». И теперь мне всю жизнь придется притворяться, что я была в Малави.

По крайней мере у Лорен хватило порядочности не рассмеяться, но она была близка к этому.

– Три из десяти, Роз. Рейтинг завышен, никакой развязки.

– Ненавижу тебя. Знаешь об этом?

– До луны и обратно?

– До сукиного *солнца* и обратно. И не надо высмеивать наши с Амели отношения. Это наше дело, это мило, и она, скорее всего, перестанет так говорить через пару лет, а я останусь одинокой старухой, до которой никому нет дела, и буду тосковать по тем дням, когда у меня был ребенок, который меня любил.

– Ой, перестань, – хмыкнула Лорен, – через пару лет тебе едва будет тридцать. Ты будешь достаточно молода, чтобы играть тинейджера на американском телевидении.

– Да? Сдается мне, что такая карьера не вариант.

Лорен на секунду замолчала.

– Поверить не могу, что ты сказала незнакомому мужчине, что жила в Малави. Почему именно там?

– Не знаю. Кажется, папа Амели там был.

Снова молчание. Опыт подсказывал, это означало, что Лорен к чему-то готовится.

– В чем дело, Лоз? – спросила она, смирившись с тем, что над ней будут насмехаться.

– М-м? О, просто пытаюсь понять, делает ли тебя расисткой то, что твое культуропри-сваиваемое путешествие ради самопознания случилось лишь у тебя в голове.

– *До солнца и обратно*, – повторила Розалина. – Я и так чувствую себя ужасно, а приходится еще беспокоиться об этом.

– Почему тебя вообще волнует, что этот случайный человек с поезда что-то там себе думает?

– Не знаю. Может быть, мне промыли мозги патриархатом.

– Он тебе нравится, да?

– Ну... да. Кажется. – Розалина прислонилась к стволу дерева. – Трудно сказать, потому что единственные ориентиры для меня – учителя начальной школы, родители и ты.

– Мне лестно, что я установила высокую планку.

– Ну, он не женат и никогда мне не изменял. Что ставит его выше тебя по крайней мере в двух вещах.

– Ах, да. История любви на века. Она была молода и пыталась найти свое место в мире, который ее обидел. Он... был не женат.

Розалина скрипнула зубами.

– Слушай, он обаятельный, успешный, симпатичный парень, у которого явно все в порядке с головой и которому, если не испорчу все окончательно, я могу понравиться. Но трудно понять, что я могу предложить такому человеку. Поэтому я испугалась и попыталась скормить ему Малави.

– Просто скажи ему правду. Если он не полный придурок, то отнесется к этому нормально. А если полный, проблема решится сама собой.

Она была права. Права. Правота была одним из худших качеств Лорен.

– Скажу. Но, может быть, не прямо сейчас. Потому что хочу выпить в баре. Со взрослыми. С которыми познакомилась. В жизни, которая у меня есть.

– Вот и умница. А мне уже пора звонить Эллисон, так что отвали и наслаждайся вечером. Они наспех попрощались, телефон пискнул, и Розалина отвалила.

* * *

В баре Розалина нашла других участников конкурса, сгрудившихся вокруг круглого стола, которые попивали напитки и рассказывали о горестях, связанных с дневной выпечкой.

– Если честно, – сказала Джози, – когда Марианна посмотрела на мой торт, я подумала, что обделаюсь.

Флориан театрально закатил глаза.

– Дорогая, тебе не на что жаловаться. Она сказала, что мой миндаль вялый. Я никогда в жизни не был вялым.

– Такое бывает. – Рики подвинулся, чтобы освободить место для Розалины перед тем, что выглядело как обещанный бокал дешевого вина. – Подожди полчасика. Потом попробуй еще раз.

– Ты – Розалина, да? – Джози, шикарная, уютная женщина лет сорока, протянула руку через стол. – Кажется, мы еще не знакомы.

Розалина, как она надеялась, с уважением пожала ей руку в ответ.

– Да. Я задержалась. Застряла с Аленом на вокзале, и нам пришлось провести ночь у фермерши.

– У-у, – Джози подняла брови, – и как ты объяснила это мужу?

Стоп. Что?

– У меня его нет. Поэтому... довольно просто. Или, если посмотреть на это с другой стороны, с большим трудом.

– Ой, какая я глупышка. – Джози невинно прикрыла рот ладошками. – Прости. Анвита сказала, что у тебя есть дочь, и я предположила... Его нет на фотографии или это ты ужасно современная?

– Он... с краю фотографии. То есть он присутствует в жизни Амели, но мы не вместе.

– Вот это да. Что за первоклассный мерзавец. Про таких думаешь: «Ну, он хотя бы поступил порядочно». – Джози вздохнула с такой вселенской печалью, которую, как подозревала Розалина, она никак не заслужила. – Но таковы уж мужчины. Им нужно только одно, и как только они это получают – *пуф!*

Хотя бы раз в жизни Розалине хотелось поговорить об этом без того, чтобы ее сочли за падшую женщину из романа девятнадцатого века. То есть либо за чудовищную жертву жестокого мира, либо за немыслимую шлюху.

– Ты не могла бы не называть отца моего ребенка мерзавцем? Том хороший парень, но мы были очень молоды, и вряд ли наш брак вылился бы во что-то хорошее.

– Да, – Джози не может оставить это без внимания, да, Джози? – но он несет такую же ответственность, как и ты. Почему ты должна тащить за собой прицеп?

– Если хочешь знать мое мнение, – сказала Розалина, стараясь не терять ни самообладания, ни самоуважения и опасаясь, что ей удастся сохранить только что-то одно, – я не считаю Амели прицепом.

Джози ласково похлопала ее по руке.

– Нет, нет, конечно нет. Я просто знаю, каково это. У меня самой трое детей, и нам с мужем с ними тяжело. Ты, наверное, ужасно храбрая.

Теоретически так было лучше, рассуждала Розалина, чем думать, что она – распутная потаскуха, решившая пожить за счет государства. Но, когда на нее смотрели свысока, она хотя бы могла откровенно показать, что они ей не нравятся. Когда же они говорили «ты такая героиня», становилось сложнее это делать, потому что они явно ожидали от нее одобрения.

– Мне хватает поддержки. Мои родители... в общем, они всегда рядом, если нужны. А моя бывшая и ее жена, – «Лорен – твоя кто?» – помогают мне гораздо больше, чем я вправе от них ожидать.

– Прости. – Джози быстро моргнула. – Возможно, я несколько провинциальна, но ты сказала, что твоя бывшая и...

– Я так устал, – вклинился Флориан так резко, что Розалина была уверена, что он намеренно ее спас, – от того, что все считают брак конечным состоянием человека по умолчанию. Я со Скоттом уже двадцать лет, и с тех пор, как наши отношения начались, друзья постоянно спрашивают, когда мы поженимся, а мы отвечаем, что никогда, и они нам не верят.

Наверное, было неправильно, что Розалина почувствовала облегчение от того, что внимание Джози переключилось на Флориана. Но она его почувствовала.

– Наверняка ты это сделал нечаянно, – сказала Джози таким тоном, который явно припасала для четырехлеток, – но ты перебил меня, а это невежливо.

Флориан по-кошачьи улыбнулся.

– О нет, я сделал это совершенно намеренно. Возможно, мне не стоит строить догадок, но я бы предпочел, чтобы мы не относились к ориентации друг друга как к теме для допроса.

– Я не допрашиваю, я интересуюсь.

– Нет. – Флориан говорил как человек, у которого есть несколько вариантов отказа, которые он бережет для разных случаев. – Интересоваться – это когда ты спрашиваешь кого-то, как поживает его фасоль. Когда ты настойчиво просишь кого-то объяснить, почему его жизненный опыт не совпадает с твоим, это уже допрос.

Для женщины в цветочной блузке Джози умела довольно резко огрызаться.

– Я выражала сочувствие. Тебе не понять, потому что у тебя нет детей.

Розалина чувствовала себя так, словно угодила в зыбучие пески, а когда Флориан попытался ей помочь, потащила его за собой.

– А с чего ты решила, что у него нет детей? – спросила она.

– Ну, потому что...

– Можешь не заканчивать мысль, дорогуша, – быстро сказал Флориан, – у меня их нет. Но это потому, что я мизантроп, а не потому, что гомосексуалист.

Последовало долгое молчание.

Затем наигранно заговорил Рики.

– Это что, конфитюр? У меня на плече конфитюр? Сколько времени я уже хожу с конфитюром на плече?

– Наверно, с тех пор, как ты уронил банку с ним? – предположила Анвита.

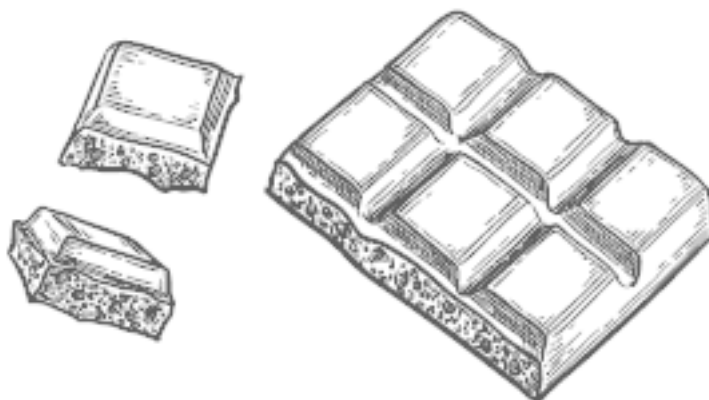
– Но как он оказался на мне? Я же уронил банку на пол.

– Я не ученый, – Флориан сделал глоток розового вина, – но мой опыт подсказывает, что брызги – те еще разазы.

Разговор, решительно переведенный с состояния жизни Розалины на состояние одежды Рики, должен был перейти в безопасное русло. Но не перешел. И Розалине ничего не оставалось, как сидеть, ощущая себя маленькой и даже в каком-то смысле голой, и думать, что она, наверно, слишком остро среагировала, вот только не знала, как можно было иначе. Потому что, черт возьми, это была незнакомая женщина, с которой ей придется видаться раз десять, не больше. Почему ее волнует, что думает о ней Джози – или вообще кто угодно?

Проблема была в том, что это ее действительно волновало. Очень.

Воскресенье

Перерыв на ланч на следующий день прошел еще хуже, потому что, вместо того чтобы пройти мимо ряда похожих друг на друга Данди-кейков, спектр которых варьировался от «вроде хорошо» до «откровенно плохо», пришлось пройти мимо ряда очень разных по внешнему виду тортов, некоторые из которых переплюнули твой собственный. Когда Розалина планировала рецепт, она думала, что, если украсит шоколадный свекольный торт струйкой растопленного шоколада, струйка будет выглядеть стильно и элегантно. К сожалению, это лишь придало ему... скучный вид. Как будто девушка из фильма не снимает очки и не распускает волосы даже в самом конце.

В целом, именно такой вывод она сделала к концу выходных. Она не надеялась, что придет и сразу станет потрясающей. Разве что чуточку и в глубине души, потому что Корделия и Сент-Джон воспитали ее быть великолепной, и она была великолепна в школе, а с поправкой на кембриджские стандарты – и в университете. Она даже была великолепна на работе, хотя в основном потому, что работа была паршивой, а большинство ее коллег – подростками. И, конечно же, воспитание ребенка в течение восьми лет исправно било ее под дых. Но это было не то дело, за которое в конце ставят оценки по десятибалльной шкале.

Единственным утешением для нее было то, что в большинстве своем шоколадные торты были коричневого цвета. Так что если ее торт и был скучным, то, по крайней мере, был скучным не один, а в компании. Конечно, это еще больше выделяло торт Анвиты с ярким узором из измельченных красных чили. Не говоря уже о творении Алена, великолепном, словно весеннее утро, – гладко обтянутом бледно-зеленым масляным кремом и увенчанном листьями базилика.

Помня о диспенсерах с чаем, Розалина нервно налила себе чашку и взяла сэндвич-ролл, который, скорее всего, не осилит. И как раз нашла тихое местечко на газоне, чтобы унять подступавшее чувство неполноценности, когда заметила Алена, идущего к ней с видом, как это часто бывало у мисс Вудинг, не сердитым, а разочарованным.

О боги. Он узнал. Он точно узнал.

– Розалина, – начал он, – не знаю, как лучше выразиться, но...

– Ясно. Да. Мне надо...

– Можно я договарю?

Она бы предпочла сказать «нет» и признаться, пока он не разложил перед ней по полочкам ее плохое поведение, как невыполненное домашнее задание. Но так как она должна была извиниться, а не грубить, она не могла этого сделать.

– Прости. Да. Конечно.

– Несколько человек вскользь упомянули, что у тебя есть дочь. И мне, честно говоря, странно быть единственным, кому ты о ней не рассказала. И, признаюсь, – Ален провел рукой по волосам, – я не понимаю, как это согласуется с твоей жизнью. Ты... кого-то встретила в Малави?

Ни в одном продуманном ею сценарии финал не получался хорошим. И все-таки она почему-то не была готова к сокрушительному унижению от того, что ей придется столкнуться с собственным ужасным поведением. Она опустила голову.

– Нет. Не было никакой Малави. То есть Малави существует, но я там никогда не была. И я не студентка-медик, я... на самом деле я никто.

– Но у тебя правда есть дочь?

– Да. Ее зовут Амели. Ей восемь. Она замечательная.

– Я уверен, что так и есть, – сказал он ей. – Я просто... не понимаю, зачем ты мне солгала. И уж точно не понимаю, зачем ты солгала только мне.

Она рискнула виновато улыбнуться.

– Наверно, потому что из меня неважная лгунья и я не продумала все наперед?

– Розалина. – Он выглядел если не опустошенным, то как минимум будто лишился чего-то важного. – Ты меня одурачила. У тебя не получится отделаться улыбочкой.

– Прости. Прости. Я не хотела... отделаться улыбочкой. И врать тоже не хотела. Я... Я запаниковала. – Это было ужасно. Невообразимо ужасно. – Потому что... мы встретились так, как встретились, а ты такой умный, веселый и успешный, и я подумала, что у нас... может быть, у нас... может быть, что-нибудь бы получилось?

Он моргнул. Его взгляд стали тусклым и ранимым.

– Может быть. Но откуда мне знать это, если я даже не знаю, кто ты такая?

– Ты прав. Я все испортила. Прости меня. Просто ты мне нравишься, и я не хотела, чтобы ты... о господи... думал обо мне *всякое*.

– В каком смысле «всякое»? – спросил он резко.

– Такое... – Она уставилась на свой сэндвич, который был единственным предметом в радиусе десяти футов, которому она могла доверять, не имея четкого мнения о своей жизни. – Такое, что обычно думают о девушках, которые забеременели в университете.

– Я... я не понимаю.

– Просто я... – Слова жалобно вываливались из нее, как грязные носки из корзины с бельем. – Я просто не хотела, чтобы ты не думал обо мне как о низшем сорте.

Он бросил на нее взгляд, который был холоднее, чем от него можно было ожидать.

– Так тоже лучше не стало. Потому что ты не только солгала мне, но и, видимо, считаешь меня человеком, который осудит тебя за ошибку, совершенную, когда ты была еще подростком.

В его словах не было ничего нового, чего бы она не слышала раньше. Но в слове «ошибка» было что-то, от чего ее всегда тошнило. «Я не планировала, что так случится» было слишком похоже на «этого не должно было случиться», и тогда это переставало быть прошлым Розалины и становилось будущим Амели. И дело было в том, что она не могла сказать ни того, ни другого. Потому что здесь и сейчас Ален был прав. По всем стандартам, которым ее учили, она испортила себе жизнь. У нее все было хорошо, а она выбросила все на ветер из-за легкоймысленной ночи с парнем, который ей даже не нравился. Хуже того, она так долго стыдилась себя, что теперь проецировала свои проблемы на того, кто, возможно, оказался бы хорошим человеком, если бы у нее хватило смелости ему довериться.

– Прости, – сказала она. – Я очень об этом жалею.

Рот Алена, с его манящими изгибами, был особенно выразителен, когда он был расстроен.

– Ты все время это повторяешь. Но что мне с этим делать? Или с тобой?

Она все испортила. Совершенно все.

– Не знаю. Мы можем... начать все заново? Ведь я – это по-прежнему я. Просто я не была в Малави.

– Ты сидела рядом со мной вчера вечером и позволила мне говорить, что участие в этом шоу не мешает тебе получить несуществующее медицинское образование. Ты в самом деле так отчаянно нуждаешься в... я даже не знаю в чем... что тебе приходится газлайтить людей ради того, чтобы тебя утешали?

Господи. Неужели это правда? Она не хотела, но разве это имеет значение? Если бы это был фильм, где главные герои запутались в поводках в парке для собак, то неловкая ложь кому-то, кто ей нравится, обернулась бы в причуду или шутку и была бы прощена поцелуем под проливным дождем. Но она повела себя так, как повела, и это было... это было больно.

– Прости, – повторила она еще раз. – Я не знаю, что сказать.

Он резко рассмеялся.

– Что бы ты ни говорила, будет ли это правдой?

– Ален, я...

– Прости. Я на это не пойду.

Он развернулся и ушел прочь. В мягкий полуденный солнечный свет.

И Розалине ничего не оставалось, как последовать за ним, потому что техническая команда торопила их вернуться в бальный зал.

* * *

Хоть это и казалось эгоистичным и самоуничижительным, Розалина была не в том состоянии, чтобы обращать внимание на судейство. В основном все сводилось к тому, что у всех было понемногу по обе стороны от «отлично». Дэйв, однако, достаточно сильно отклонился в сторону «не очень», и Розалина стала чуть увереннее в своих шансах продержаться первую неделю.

Несмотря на то что он подал двухъярусный торт вместо трехъярусного, как должно было быть, ему каким-то образом удалось выглядеть одновременно дерзким и побежденным. Как будто он всем телом говорил: «Давайте, признайте, что это дерьмо. Мы же все это видим».

– Значится, с одним из слоев у тебя нелады, – начал Уилфред Хани, улыбаясь своей самой дедовской улыбкой. Словно был таким дедом, который весь был сделан из молочных карамелек. Она в самом деле была очень дедовской. – Но это неважно, если вкус такой, как надо.

Они разрезали его, и Марианна Вулверкот откусила кусочек.

– Вкус не такой, как надо.

Дэйв немного покачался на пятках и кивнул.

– Да пошли вы оба на хрен.

Съёмочная площадка затихла, как будто все слышали, что в комнате есть оса, но никто не знал, где она. В данном случае осу звали Дженнифер Халлет, и было вполне понятно, кого она ужалит.

– Дэвид, – сказала она голосом, который мог бы разделить тесто для бисквита и разложить безе, – на пару слов.

После этого судейство пошло как обычно, прерываясь случайно подслушанными фразами типа «договорное обязательство», «щелочью будешь ссать» и «быстрее, чем ты побежишь гадить после пирожка с сальмонеллой», доносившимися извне.

Как только Дженнифер Халлет закончила вежливо объяснять Дэйву, почему его поведение было непрофессиональным и могло иметь негативные последствия, она привела его обратно и указала на место перед судейским столом.

– С последней фразы Марианны. Спасибо.

– Вкус не такой, как надо, – повторила Марианна Вулверкот с той же интонацией, что и в первый раз. – У розовой воды деликатный вкус, с которым легко переборщить, а ты *явно* с ней переборщил.

Последовало очень долгое молчание.

Дейв забрал две трети своего торта.

– Ага. Спасибо.

И все продолжилось. Анвита справилась, а Розалина была вполне сосредоточена, чтобы порадоваться за нее. Затем подошла ее очередь, и с каким-то отстраненным облегчением она поняла, что слишком эмоционально разбита, чтобы нервничать.

Марианна Вулверкот рассматривала свою порцию с видом знатока, которым, подумала Розалина, она и была.

– Выглядит хорошо, но довольно простой, и поэтому я не знаю, будет ли это достаточно «хорошо».

Плечи Розалины опустились. Она уже знала: если не станет посылать судей вслух, то, скорее всего, пройдет, но «Достаточно хорошо – это не достаточно хорошо» было неофициальным семейным девизом Палмеров. И она снова и снова показывала свою «недостаточную хорошесть».

Судьи разрезали ее торт, и Марианна Вулверкот ткнула в него ножом так, что Розалине, и без того расстроенной процессом, Аленом и всем остальным, это почему-то показалось неприятным.

– Нежная легкость, – сказал Уилфред Хани, увлеченно жуя. – Вкусный и с очень гладкой, влажной текстурой.

Отложив вилку, Марианна Вулверкот стала серьезной.

– Но на этом, к сожалению, почти все. Если бы он был идеальным, он мог бы стать лучшей выпечкой дня, но здесь он немного неровный... – Она указала на линию вдоль основания торта, где тесто осело и было плотнее. – И, похоже, ты передержала его в духовке на самую чуточку.

– Кроме того, – добавил Уилфред Хани, – он мог быть красивее, если бы ты сделала хороший ганаш. Или, например, использовала масляный крем, чтобы его украсить.

Ой, ну конечно. Запишите это в бесконечный список вещей, которые она могла бы сделать в своей жизни иначе.

– Ага, – сказала она. – Спасибо.

Когда Розалина вернулась за свою стойку, она пересеклась с Аленом, который уверенно шел вперед, держа в руках поднос, полный магии. Он не смотрел на нее, да и зачем ему было на нее смотреть?

Он аккуратно поставил свое творение перед судьями.

– Это шоколадный торт с базиликовым кремом. Подается с мятным мороженым. – Затем, после небольшой паузы и с самоироничной ухмылкой, – базилик из моего огорода, а мяту я... нашел и нарвал.

Судьи с благодарностью разрезали его, обнажая идеально ровные слои темного бисквита и бледного крема, а затем с жадностью попробовали.

– Это просто восхитительно, – промурлыкала Марианна Вулверкот. – Я волновалась по поводу базилика, но он удивительно хорошо сочетается с насыщенным вкусом шоколада.

Уилфред Хани отрезал еще кусочек.

– Черт побери, он великолепен.

По залу прокатилась волна вздохов. Это была неформальная коронная фраза Уилфреда Хани, и обычно он не произносил ее до третьего или четвертого эпизода. Очевидно, что Ален – помимо того, что был человеком, который никогда не стал бы лгать о своей жизни, – был еще и богом на кухне. А Розалина все испортила, став неуверенным разочарованием.

* * *

Итак, Ален победил. Совершенно ясно. Дэйв выбыл. Тоже совершенно ясно. А Розалина была в безопасности, ничем не выделялась и отчаянно хотела попасть домой. Увидеть дочку. Выпить бокал вина. Примириться с тем, что ее любимое хобби, от которого становилось лучше, – а именно выпечка – теперь стало третьим по величине источником стресса в жизни.

«Умница, Розалина. Как всегда, на высоте».

К сожалению, прежде чем она смогла сделать что-либо из этого, ей пришлось подождать. На парковке. Пока ее заберет отец. Как будто ей было шестнадцать лет и она попала не на ту вечеринку. Это была одна из проблем съемок в живописной сельской местности: в воскресенье из Тапворта не ходят поезда. Что на практике означало еще одну услугу, которую Розалина будет должна своим родителям.

Вероятно, ждать придется долго. Мистер Сент-Джон Палмер – человек столь успешный в медицине, что стал доктором, а затем снова вернулся к практике, – имел обыкновение приехать с опозданием, мотивируя это тем, что он очень занят и важен. И все бы так и было... как было. Кроме Алена, который, как стоило догадаться Розалине, оказался в похожей ситуации и зависел от кого-то столь же ненадежного.

Несколько минут они стояли в тягостном молчании.

– Поздравляю с победой, – попробовала заговорить Розалина.

– Спасибо.

Что же, по крайней мере он ответил.

– Еще раз прости за... в общем, за ложь.

– Розалина... – Его рот искривился в кривой ухмылке. – Если бы это случилось не со мной, я бы подумал, что это утомительно. Но что есть, то есть. Поэтому мне потребуется чуть больше времени, чем обычно, чтобы понять, что это смешно.

– Теперь ты можешь рассказывать на свиданиях историю про «девушку, которой я так понравился, что она придумала себе жизнь в Малави».

Он рассмеялся, несколько неохотно.

– Надо было что-то заподозрить, ведь ты так мало об этом рассказала. Я знаю нескольких людей, которые занимаются подобными вещами, и их невозможно заткнуть.

Так было... лучше, правда? Он скорее смеется над ней, чем испытывает отвращение.

И, конечно же, мистер Сент-Джон Палмер выбрал именно этот момент, чтобы остановиться перед ними. Выйдя со стороны водителя, он освободил багажник, чтобы Розалина смогла уложить свою сумку.

– Я приехал так быстро, как только смог, – сказал он ей. – Застрял за каким-то кретином с автофургоном на автостраде. А еще на всех местных дорогах полно чертовых овец. – Примерно в этот момент он заметил Алена и, то ли из-за его близости, пола или поведения, решил, что он, вероятно, важная персона. – Ужасно извиняюсь. Где мои манеры? Сент-Джон Палмер. Отец Розалины.

Пока Розалина пыталась извиниться взглядом, Алену не оставалось ничего другого, как пожать чрезвычайно сильную руку ее отца.

– Ален Поуп. Участвую в конкурсе вместе с Розалиной.

– А-а. Я подумал, что вы – продюсер.

– Нет, я – архитектор.

- Работали над чем-нибудь, что я могу знать?
- Возможно. Когда вы в последний раз были в Дубае?
- Не год и не два.

Ален улыбнулся той улыбкой, которую берегут для собеседований.

– Тогда, к сожалению, вы не знакомы с моим последним проектом. Может быть, посещали поместье Кумбекамден? Я и там кое-что делал.

Розалина часто видела, как ее отец поступал так с людьми. Игра заключалась в том, чтобы продолжать молчаливо намекать, что он считает тебя неудачником, пока ты не сдашься и не признаешь это. И, что необычно, Ален, похоже, был очень близок к *победе*.

– А вы занятой человек, – согласился Сент-Джон Палмер. – Каким ветром вас занесло в выпечку?

– А, вы об этом. Когда перестраивал свой дом несколько лет назад, мне установили газовую плиту, и я подумал, что должен научиться правильно ею пользоваться.

– Для супруги куповали?

– Нет. Я не женат. – Ален продемонстрировал левую руку, с отсутствующим обручальным кольцом.

К полному ужасу Розалины, Сент-Джон Палмер похлопал Алена по спине и, положив руку между его лопаток, направил к задней части машины, куда она только что бросила сумку.

– Розалина, – позвал он, – я помешал вам с этим молодым человеком?

– Что? – Она совершенно не знала, как на это ответить. – Нет. Не помешал. То есть...

– Розалина очень милая. – Ален бросил на нее взгляд, который можно было назвать заговорщическим. – Но из-за конкурса мы оба очень заняты. Тем не менее я уверен, что со временем мы узнаем друг друга лучше.

С другой стороны парковки раздался автомобильный гудок, и Ален оглянулся, узнав водителя.

– А это моя подруга, Лив. Приятно было познакомиться с вами, мистер Палмер. – Он снова пожал руку ее отцу, получив в ответ такое же крепкое рукопожатие, как свое собственное. – Увидимся на следующей неделе, Розалина.

Времени хватило лишь на то, чтобы очень быстро и тихо поблагодарить Алена за то, что он не опозорил ее перед отцом, прежде чем он поспешил к приехавшей за ним машине. Он коротко поздоровался с вызывающе привлекательной блондинкой, и они умчались прочь.

Сент-Джон Палмер вернулся к своему автомобилю, и Розалина села рядом с ним. Она едва успела пристегнуть ремень безопасности, как машина завелась.

– Мама ждала, что ты позвонишь.

– Я даже не успела выйти со съемок.

– А время для общения нашла.

В каком-то смысле это было так, но у него не было никаких фактических доказательств.

– Ты про Алена? Мы просто стояли на одной парковке и ждали, пока за нами приедут.

– А мне показалось, что вы разговаривали.

По правилам дорожного движения отец был обязан смотреть прямо перед собой, пока говорил с ней. Но Розалина была уверена, что он бы так делал, даже если бы они не ехали.

– Просто из вежливости. Я думаю, он... приятный, не правда ли?

– «Приятный». – Ее отец презирал многие вещи, но по какой-то причине особенно сильно злился на ограниченный набор слов, который Розалина всегда считала совершенно произвольным. – Раньше у тебя был такой хороший словарный запас.

– Он создает впечатление очень старательного, способного, умного и... – она подумала, что ее отец будет против слова «сексуальный», – элегантного молодого человека.

– Не ребячясь, Розалина. Это ниже твоего достоинства. Или, по крайней мере, должно быть.

Она вздохнула.

– Прости.

Последовало такое молчание, которое обычно дает ложное чувство безопасности.

– Честно говоря, – продолжил Сент-Джон Палмер, – я несколько удивлен, что такой человек пришел на шоу... Как оно называется?

Он знал, как оно называется. Ему просто нравилось заставлять произносить название.

– «Пекарские надежды».

– Так вот, полагаю, что когда карьера состоялась, можно заниматься любимым хобби. Оно не так уж отличается от гольфа, не так ли?

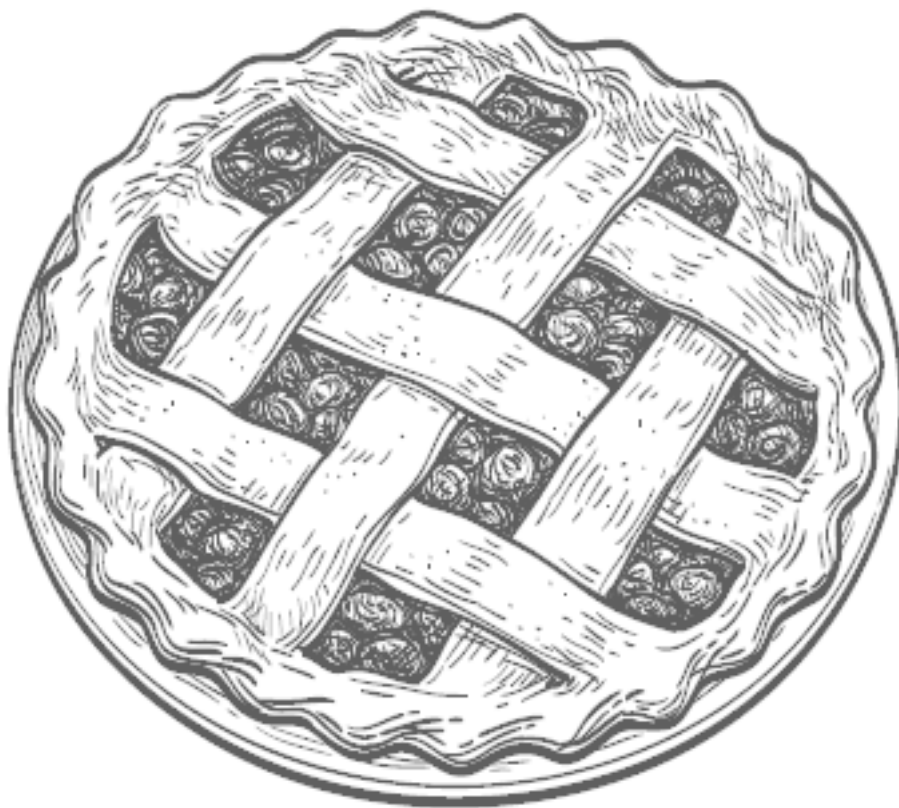
Ее отец не любил гольф, но это было одно из немногих развлечений, на которое он не смотрел свысока. Наверное, этот пример был бы больше похож на поддержку ее выбора, если бы не было так мучительно заметно, что он одобряет участие Алена потому, что тому ничего не было нужно от шоу. Розалина же, напротив, отчаянно нуждалась в нем, тратила время и позорила свою семью.

– Не отличается, – ответила она. – Оно словно гольф, только изюма больше.

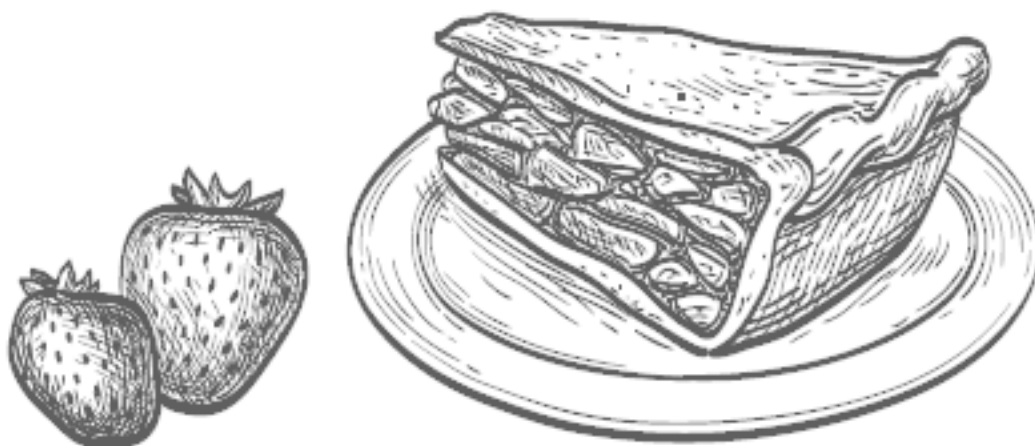
Сент-Джон Палмер не ответил. Возможно, так он наказывал Розалину за ее постоянное легкомыслие.

И через минуту-другую включил «Радио 4», чтобы успеть послушать конец прогноза относительно грузооборота.

Вторая неделя. Пирожки

Пятница

В некотором смысле возвращение на вторую неделю было еще удивительнее, чем приезд на первую. Как только Розалина уехала, Пэтчли Хаус и все, что в нем находилось, стало казаться странно правдоподобным сном. Но теперь она вернулась, и время, которое провела

дома – отвозила Амели в школу, ходила на работу, пекла бесконечные пирожки с курицей, – потекло в том же русле. Это означало, что у нее никак не получалось отвлечься от своего выступления на первой неделе. Выступления, на котором она сходила с ума от тщетности происходящего. Еще и приготовила посредственный торт перед всей страной и выставила себя полной дурой перед тем, кто, похоже, был ей интересен. «Три с минусом, Розалина. Старайся лучше. Увидимся после уроков».

Успешно сориентировавшись в общественном транспорте и бросив сумку в номере, она отправилась в беспокойное блуждание по территории. Она не умела строить машину времени из хрустящего теста, замешанного на кипятке, и шоколадного ганаша, который стоило приготовить на прошлой неделе, а значит, ничего не могла поделаться с историей о Малави. Но она могла изменить свое отношение. Ведь хоть победа в конкурсе «Пекарские надежды» не превратит ее волшебным образом в квалифицированного кардиохирурга, Корделия и Сент-Джон Палмер учили ее не бросать дело, едва его начав.

И хотя они не одобряют ее участие в реалити-шоу, они, скорее всего, отрекутся от нее, если она вылетит в середине шоу.

Поэтому она должна сосредоточиться. Работать. Стараться изо всех сил. Не отвлекаться на парней. Готовить такую выпечку, которая заставит зрителей, сидящих у экранов, сказать: «Ого, впечатляет для второй недели».

И пока она пробиралась через лесок, примыкавший к дому, чувствовала, что неплохо справляется со своей задачей, настраивая себя на то, чтобы стать опасной и целеустремленной машиной-пекарем. Пока не увидела Алена, который шел в противоположную сторону.

Черт, черт, черт.

К сожалению, спрятаться было негде. На самом деле таких мест, где можно было спрятаться, было много – можно было забраться на дерево или прыгнуть в кучу листьев, но если целью было избежать еще одной неловкой ситуации, то бегство подобно потревоженной белке ей, скорее всего, в этом бы не помогло.

– Ну, что, – сказала она, – привет?

Он одарил ее ухмылкой.

– Розалина.

Они смотрели друг на друга сквозь заросли орляка. И она в очередной раз поразились тому, насколько Ален был неброско стильным в рубашке, брюках-чинос и, как сегодня, в легком пиджаке, который казался частью образа, а не уступкой вечернему ветерку. Это было похоже на тот момент в конце телепередачи, когда открывают дверь номер три, чтобы показать, что ты могла бы выиграть, если бы не была лживым мешком дерьма.

Она подумала, стоит ли ей снова извиниться. Или это вызовет раздражение. Поэтому открыла рот, чтобы попрощаться, и обнаружила, что извиняется за что-то другое.

– Прости за отца.

– Не стоит. – Он откинул прядь волос, которая выбилась из укладки. – Он явно очень тебя оберегает.

«Оберегает» – не то слово, которым бы выразилась Розалина. Но лучше пусть он думает так, чем поймет, насколько она подвела отца.

– Да. Он... да.

Снова долгое молчание.

– Может быть, прогуляемся? – спросил Ален.

Ладно. Это же хорошо, правда? Не то чтобы она этого ожидала. Или на это надеялась. Ну, не то чтобы особенно.

– Ты... точно этого хочешь?

Он насмешливо поднял бровь.

– Вовсе нет, Розалина-эм-Палмер. Но, может, все-таки пройдемся?

– Вдруг из этого получится еще одно приключение.

– На этот раз с настоящей тобой?

Это было словно увидеть спасательную ветвь или оливковый плот.

– Обещаю.

– Тогда идем. Речка в той стороне.

Она рискнула улыбнуться.

– Ты же не собираешься там со мною расквитаться, правда?

– Не смешно, Розалина. Мне же не двенадцать.

Они прошли вниз по холму, окруженные нежными лиловыми цветами английского сельского вечера, прежде чем Розалина набралась смелости и сказала.

– Тогда я расценю твоё нежелание столкнуть меня в реку как хороший знак.

Он посмотрел на неё свысока. Его глаза лукаво заблестели.

– Я не сказал, что не хочу столкнуть. Я сказал, что для этого слишком взрослый.

– А знаешь, что действительно по-взрослому? Называть себя взрослым.

– А знаешь, что еще взрослее? Притворяться, будто ты ездила в Малави, когда на самом деле не ездила.

Она вздрогнула. Но по крайней мере он её дразнил, а не называл лгуньей.

– То, что ты выводишь меня из себя, означает, что ты уже смирился?

– Может быть. Скажу, когда мы узнаем друг друга лучше.

Розалина не была готова к огромному облегчению, которое нахлынуло на неё. Она не знала, заслужила ли второй шанс, но, черт возьми, хотела им воспользоваться. И да – как раз тогда, когда напомнила себе, что её приоритетом была выпечка, а не парни. Но разве Анвита не права? Разве не нормально хотеть и того и другого? Её учили стремиться к высоким целям. И хотя родители не были в восторге от её нынешней цели, если она сможет выйти из этой ситуации с десятью тысячами долларов, контрактом на издание книги, новой карьерой и архитектором, то все это будет достаточно весомыми галочками в графе «Жизнь удалась».

Только была одна проблема.

– Мне не о чем рассказывать, – призналась она.

– Правда? А мне кажется, что у тебя было довольно насыщенное событиями прошлое.

Выражение «насыщенное событиями» было мягче многих других по этому поводу.

– В самом деле?

– А разве нет? Я знаю, что говорят о быстрых выводах, но мне не верится, что ты с самого начала планировала забеременеть в девятнадцать-двадцать лет.

– Да, не совсем. Я собиралась стать врачом.

Он улыбнулся.

– Значит, ты была опасно близка к истине касательно учебы и без нужды далека касательно путешествия?

– Я же сказала, что запаниковала.

– И призналась, что из тебя плохая лгунья.

– Да, – согласилась она смеясь. – И я не врала.

Наступило молчание. Оно не было комфортным. Но и не настолько ужасным, как потерять глаза руками, которыми чистил чили.

– Итак. – Ален сделал деликатную паузу. Таковую, которую Розалина слышала или, скорее, не слышала раньше. – Ты не обязана рассказывать мне то, что не хочешь, но что произошло на самом деле?

Она пожала плечами.

– Ничего такого. Тут нет большой тайны. Девушка, с которой я встречалась, изменила мне, и я вернулась к парню, который мне немного нравился. Мы были вместе какое-то время, но пару раз были неосторожны, потом пару раз повезло, потом повезло меньше. И... да.

– И он просто взял и ушел от тебя?

– Нет, я не Фантина³. В этом плане он поступил правильно. Но никто из нас не хотел брака. И нам казалось, что ради этого все равно не стоит жениться.

– Я не намекал, что твоему отцу надо было выстрелить в него из ружья. Я имею в виду, что нужно учитывать и финансовую сторону вопроса.

– Я получаю алименты. – Она снова пожала плечами. – Он теперь инженер-гидролог, так что они довольно щедрые.

Ален на мгновение задумался, а затем осторожно сказал:

– Как-то несправедливо, что он смог исполнить свою мечту, а ты – нет.

Что ж. Такой разговор невозможно вести, не чувствуя себя отвлеченно. Хуже того, люди продолжали находить все новые и новые способы нагонять на нее ужас. Честно говоря, «Увы, твои мечты обернулись прахом» – это лишь иначе сказанное «Ох, бедняжка, твоя жизнь разрушена». Но в случае с Аленом речь шла исключительно о ней и о том, кем она могла бы стать, несмотря на общий принцип, что милые девушки из среднего класса бросают университет, чтобы делать карьеру, а не рожать детей.

Что-то... что бы она ни почувствовала, должно быть, отразилось на ее лице, потому что он остановился и осторожно повернул ее к себе.

– Извини, Розалина, – сказал он. – Я не хотел задеть тебя за живое.

Было слишком сложно. Потому что, несомненно, было больно. Просто она не совсем понимала, откуда исходит эта боль. Она сделала глубокий вдох.

– Нет, все в порядке. Я сделала свой выбор. Я люблю свою дочь и... и... и... вот и все.

– Я понимаю. Но, – он пристально посмотрел на нее, – у тебя, наверно, были... варианты?

Она знала, что за эвфемизм стоял за «вариантами».

– Ты имеешь в виду, почему я не сделала аборт?

В его глазах промелькнуло удивление. Возможно, он не ожидал, что она это скажет. Большинство людей не ожидало.

– Наверно, да.

– Я не захотела. Это не важное политическое заявление, но я не религиозна. В тот момент для меня было правильно... не делать его. Поэтому я не стала.

– А твои родители не сумели... – он махнул рукой, – что-нибудь придумать?

Она невольно засмеялась.

– Что-нибудь придумать? Ты как будто предлагаешь, чтобы парень по имени Джоуи Девять Пальцев сделал мне бетонный макинтош.

– Я скорее имел в виду, что они могли бы присмотреть за ней, а ты бы тем временем вернулась в университет.

Конечно, у них был и такой разговор.

– Ты уже знаком с моим отцом. Ты бы оставил с ним человека, которого любишь больше всего на свете?

– Ты ведь выросла хорошим человеком.

Если не считать работы без карьерного роста, едва оплачиваемых счетов и смутной уверенности в том, что она все испортила, возлагая все надежды на телевизионное шоу по выпечке, то... да.

– «Хороший человек» – это как раз то, кем я стараюсь быть.

Его рот изогнулся так, словно он намекал ей запрыгнуть в его двуколку.

– Ты лучше, чем просто хороший человек. И ты это знаешь.

Это были лишь слова. Явно лишь слова. Но втайне она была рада, что он считал ее такой.

³ Мать Козетты из мюзикла «Отверженные» по мотивам романа В. Гюго. Забеременела от богатого студента, который ее бросил. Была вынуждена заниматься проституцией. *Прим. перев.*

– Спасибо. Ты... тоже вполне хороший.

– Полегче. Такой лестью недолго вскружить мне голову.

Она застенчиво засмеялась.

– Медовоустая дьяволица. Да, я такая.

И он тоже рассмеялся, не так застенчиво.

Разумеется, именно в этот момент Розалина, испытывавшая огромное облегчение от того, что они, похоже, вернули... свое, чем бы оно ни было, запаниковала и попыталась снова все испортить.

– Так... мы... помирились? Значит, между нами... все хорошо?

– Розалина-эм-Палмер, – теперь его глаза говорили: «Выпрыгивай из моей двуколки в какое-нибудь место поинтереснее», – разве «хорошо» – это достаточно?

В ней все затрепетало – по-настоящему, без лжи. И она всем своим видом показала, что готова к поцелую, подняв голову и надеясь.

Но Ален лишь на мгновение взглянул на нее, прежде чем отойти.

– Идем. Если мы в скором времени не доберемся до реки, лучшие волны разберут без нас.

Они пошли дальше. И на этот раз молчание было комфортным. Или настолько комфортным, насколько это возможно, когда пытаешься придумать, что бы такого приятного сказать.

– Расскажи еще что-нибудь о себе, – предложил Ален. – Такое ощущение, что мы много говорим о том, о чем ты обычно не рассказываешь, и очень мало о том, о чем говоришь.

Ладно. Фокус был в том, чтобы не запаниковать и не соврать снова, чтобы прикрыть свою скудность.

– Что ж. Естественно, я люблю выпечку. У меня есть дочь. Ее зовут Амели. Я работаю в магазине канцелярских товаров, это очень интересно. Я пыталась научиться вязать, потому что мне кажется, что это здорово, но так и не нашла времени, чтобы что-нибудь связать.

– Да, я вижу в этом недостаток.

– Это часть материнства. Увлечения ребенка становятся твоими. Так что теперь я довольно много знаю об акулах, балете и космонавтах.

Он весело хмыкнул.

– А что насчет тех лет, когда ты еще не была мамой?

– Боже мой. Я все время училась. И даже научилась играть на скрипке, чтобы мое резюме выглядело более разносторонним.

– Это явно сработало. Ты попала в медицину. Кстати, где ты училась?

Она наморщила нос.

– В Кембридже.

– Ничего себе, как ты любишь переусердствовать!

– Не такой уж он хороший, как кажется. Обычный университет, только более известный.

– Все равно нельзя постоянно работать и совсем не отдыхать. – Последовала короткая пауза. – Ты что-то говорила о своей девушке.

Разве? Она была слишком занята самообвинениями, чтобы это помнить.

– Что? О Лорен? Я до сих пор с ней дружу. Она теперь в браке – но не с той девушкой, с которой мне изменила. В эти выходные она сидит с Амели.

Он одобительно кивнул.

– Люблю, когда люди поддерживают связь со своими бывшими. Они как друзья с дополнительным бонусом – ты знаешь, как они выглядят голыми.

Они ступили на мост, перекинутый через изгиб реки, взошедшая луна пролила на воду серебристый блеск.

Ален остановился. Он был из тех мужчин, которые особенно хорошо смотрятся в монохромной гамме – с его ростом, легкой надменностью и острыми скулами.

– Я невольно заметил, – сказал он с напускной беззаботностью, – что ты упомянула о бывшей девушке и бывшем парне. Что, как понимаю, означает, что ты интересуешься... как бы сказать... самыми разными людьми?

Как правило, Розалина не любила, когда ее спрашивали об ориентации. Особенно парни, поскольку за этим часто следовало: «Ух ты, как сексуально, и я уверен, что ты находишь это наблюдение чрезвычайно лестным и совсем не фетишистским», или: «Круто, мы с моей девушкой давно хотели попробовать секс втроем». Но Ален подошел к этой теме достаточно осторожно, и ей было приятно подтрунивать над ним.

– О, да, самыми разными. Я встречалась с драматургами, инженерами, бас-гитаристом, адвокатом, флористом...

Он скривил рот.

– Ты же знаешь, что я не об этом.

– Брюнетками, блондинками, рыжими...

– Ладно. – Он поднял руки, будто сдаваясь. – Просто подумал, что было бы вежливо узнать, что я не заигрываю с лесбиянкой.

Прошло уже много времени с тех пор, как кто-либо делал хотя бы смутные шаги в сторону Розалины.

– Я – бисексуалка.

– Значит, по сути, с тобою можно заигрывать?

«Быстрее, Розалина. Ответь так, будто ты не отчаялась».

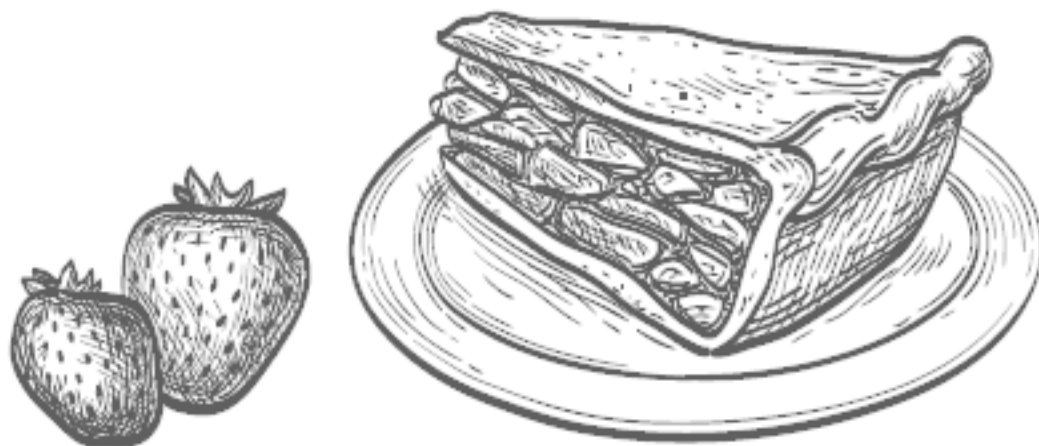
– Возможно.

Она полуобернулась к нему. Ночь была добра к ним, превращая их маленький кусочек мира – мост, реку и усыпанное звездами небо – в сцену из черно-белого фильма. Воскресная история, где он сильный, а она энергичная, и все заканчивается так, как и должно.

– Очень рад это слышать, – пробормотал Ален.

А потом его рука коснулась ее щеки. Он нежно наклонил ее лицо к своему. Его рот был мягким, теплым и опытным. Это был безупречный первый поцелуй. Осторожный, но с обещанием страсти.

Суббота

– В выпечке вслепую на этой неделе, – сказала Грейс Форсайт, – вы будете работать с апельсинами и лимонами. Вряд ли вы разбогатеете, однако, если все пойдет не так, как надо, можете распрощаться с головой. – Она замолчала, пока конкурсанты обменивались недоуменными взглядами, которые, несомненно, в интернете превратят в мемы с помощью редакторов и gif-мейкеров. – Сегодняшнее испытание – британский вариант американской классики: пирог святого Клементя.

Это звучало вычурно. Как будто какому-то измученному помощнику сказали, что пирог с лимонным безе слишком предсказуем, – а Розалина и впрямь почти его предсказала, пока погружалась в глубины «Скромных пирогов Уилфреда Хани», готовясь ко второй неделе, – и поэтому в рецепт добавили несколько апельсинов и заявили, что это совсем другое блюдо.

Грейс Форсайт радостно захлопала в ладоши.

– У вас всего девяносто минут, так что готовьтесь. Ваше время начинается на счет «три». Три, дорогие.

«Подготовьте основу», – начинался рецепт, словно с афоризма.

Это было просто. Розалина сотни раз готовила основу для бисквита. Она положила пачку масла на сковороду, чтобы оно растаяло, и...

Прошлым вечером она поцеловала Алена.

Нет. Ей не об этом сейчас нужно было думать. Она высыпала пачку крекеров в мешок для выпечки и взяла в руки скалку...

Прошлым вечером она поцеловала Алена.

Черт, нет. Она не такая. Только не после того, как настраивала себя на то, что в конкурсе покажет всю силу Палмеров. Неважно, что Ален целовал ее в лунном свете, она провалила первую неделю, и будь она проклята, если проиграет снова. Пришло время выделиться из толпы. Показать судьям, из чего она сделана. Разорвать этих пекарей на куски.

Ладно. Это чересчур.

Может, лучше сосредоточиться на приготовлении вкусного пирога?

Она раздробила печенье.

* * *

– Как думаешь, – спросила Анвита за обедом с полным ртом залежавшегося сэндвич-ролла, – с Гарри все в порядке?

Розалина не понимала, к чему она ведет.

– В каком смысле «в порядке»?

– Он ни с кем не разговаривает. Я, конечно, люблю brutальных молчунов, но он какой-то *слишком* brutальный и *слишком* молчаливый.

– Не-е, он разговорчивый, – отозвался Рики. – Болеет за «Шпоры», но нельзя же его за это винить.

– Знаешь, – Анвита разочарованно на него посмотрела, – я думала, это миф, что мужчины могут разговаривать только о футболе.

– Я виделся с ним всего дважды. О чем еще мне с ним говорить? О своих чувствах?

– О выпечке? – предложила Розалина. – Вы ведь оба участвуете в кулинарном шоу.

Рики пожал плечами.

– И нам до смерти надоело это обсуждать.

– Короче. – Анвита развернулась к Розалине, как пушка на военном корабле. – Ты должна пойти и попросить его сесть к нам.

Она вытаращила глаза.

– А почему я? Я даже не знаю, как получается офсайд.

– Ну, он говорил с тобой на прошлой неделе. Добровольно. И больше десяти секунд.

Да, но в основном это были попытки остановить казавшийся бесконечным поток чая.

– Это из-за того, что ты в самом деле беспокоишься о нем? Или потому что он тебе нравится?

– А ты меня в этом винишь? – Анвита бросила тоскливый взгляд через плечо на место, где сидел Гарри. – Он такой грустный и... и... мускулистый.

– Вряд ли он грустит. По-моему, просто ест сэндвич.

– Честно говоря, – отозвался Рики, – я ел эти сэндвич-роллы, и мне от них становилось грустно.

– Знаешь, – это был самый твердый голос Розалины, который, признаться, не был особенно твердым, – мне не совсем удобно просить мужчину присоединиться к нам, чтобы ты могла любоваться им с более удобного расстояния.

Анвита выглядела потрясенной.

– Это нечестно. Я хочу, чтобы ты попросила его присоединиться к нам, чтобы мы обе могли любоваться им с более удобного расстояния.

– Я не заинтересована в том, чтобы пялиться на Гарри, – настаивала Розалина. Это была *не совсем* правда.

– Если бы мы с ним говорили о ком-то из вас, – у Рики было выражение лица «не знаю, сексизм ли это», которое иногда появляется у мужчин, когда им приходится говорить о гендере, – то это было бы нехорошо.

Расправив плечи, Анвита поправила очки – на этой неделе это были розовые «кошачьи глазки».

– А что, можешь смотреть на меня в любое время. На самом деле я даже требую. Пялься на меня.

– Моя мама дала бы за это подзатыльник.

– А моя мама, – возразила Анвита, – сказала бы, что я делаю важное постфеминистское заявление и осознаю свою сексуальность. Поэтому важно, чтобы мы с Розалиной могли говорить о том, какой Гарри сочный жеребец.

Негромкие препирательства нежно умиляли Розалину, но это привлекло ее внимание.

– Ладно, два момента. Во-первых, «сочный жеребец» звучит откровенно мерзко. Как будто это губка, которую ветеринар использует для искусственного осеменения лошадей. И, во-вторых, вряд ли Гарри из тех мужчин, которых стоит поощрять. Потому что наверняка его мама не стала бы давать ему подзатыльник за то, что он на тебя пялится.

Последовало молчание.

– Неужели он настолько плохо с тобою себя вел? – поинтересовалась Анвита.

– Не... не совсем. Но когда изо рта парня то и дело вылетает «милая», «чика», «девочка», понимаешь, что это за тип.

– И почему с красавчиками всегда такая проблема? – Анвита тяжело вздохнула.

– Потому что они красавчики и им не надо стараться.

– Эй, – возразил Рики. – Я красавчик, и я стараюсь.

Розалина к тому времени уже чувствовала себя несколько виноватой. Она не хотела делать из Гарри уродца. Просто... человека с определенным прошлым и определенным набором ценностей. А учитывая, сколько слухов здесь ходило, она рисковала нечаянно пустить слух, что он – извращенец, и тогда никто не станет с ним разговаривать до конца сезона.

– Я... я, наверно, к нему несправедлива. Уверена, что Гарри – милый парень. Пойду спрошу, не хочет ли он переселиться к нам.

Во время короткой прогулки по газону Розалина воспользовалась возможностью присмотреться к другим участникам конкурса – честно говоря, она присматривалась к Алену. Она заметила его на скамейке рядом с Джози, видимо, в разгар оживленной беседы. Что было прекрасно. Это, безусловно, было прекрасно. Она не претендовала на его время или внимание, да и не стремилась с ним заговорить.

Но почему он сам этого не сделал? Не подошел. Не поздоровался. Не сделал *ничего*.

Да, ей не хватало практики. Но ведь у нее все равно получилось... хорошо? Ведь хорошо?

А еще плохо показывать чувства невовремя. На ТВ-шоу были другие конкурсанты и персонал. Они очень разозлятся, если увидят, что между ними что-то есть. Если между ними *действительно* что-то было.

Может быть, между ними был только поцелуй.

Или Ален был тактичен и старался не создавать поводов для сплетен.

Или губы Розалины случайно дали понять, что она хочет, чтобы он отвалил и никогда больше с ней не разговаривал.

– Ты в порядке, друг? – спросил Гарри, давая Розалине понять, что она стоит над ним дольше, чем собиралась.

– Что? Да. Я хотела сказать... – Она вдруг почувствовала, что снова оказалась в средней школе и говорит мальчику, что у нее есть подруга, которой он нравится, и надеется, что он не подумает, что эта «подруга» – это «она». – Эм...

Он поморщился. Как и следовало ожидать.

– Слушай, хотел спросить, я ведь не расстроил тебя в тот день?

– Расстроил меня? – повторила она, слегка ошеломленная.

– Да. Из-за имени. И из-за «милый». И из-за «девочки». И из-за «красотки». – Ей показалось, что он покраснел. – Просто не хочу, чтобы ты считала меня придурком.

Если честно, она вообще не привыкла думать о таких парнях, как Гарри.

– Нет. Вовсе нет.

– Отлично. Я просто, ну, это самое, уточняю. – Он вздохнул, что, к удивлению Розалины, значило «мне полегчало», а не «ты за это заплатишься».

– Потому что, – продолжил он, – иногда я что-нибудь ляпну, а потом думаю: «Господи, Гарри, ты полный кретин», и эта мысль не дает покоя.

Розалина бросила на него любопытный взгляд. Она привыкла, что ее постоянно парализует возможность неодобрения людей. Но о чем беспокоиться Гарри? Он симпатичный парень, который живет в мире приятелей, пабов и женщин, которые не возражают против того, чтобы их называли милыми.

– Мне кажется, многие про себя так думают. Только, скорее всего, без «кретина».

– Ладно. Хорошо. – Он на секунду замолчал, наверно, размышляя насчет «кретина» – странный вышел образ. – Спасибо, друг.

Розалина подозревала, что будет жалеть, что спросила, но ничего не могла с собой поделать.

– А почему ты внезапно стал звать меня «другом»?

– Ты сказала, что я не стал бы звать тебя милой, если бы ты была парнем. Я подумал над этим, и, знаешь, ты права. И либо так, либо начать звать своих друзей «милыми», а они явно начнут на меня коситься.

Она не могла понять, победила или проиграла.

– Наверно, это вполне справедливо.

– Кстати, ты хорошо постаралась на прошлой неделе. Все сделала правильно.

– Спасибо. Ты справился...

– Довольно средне, – добавил он с сожалением. – Мой шоколад не застыл, а украшения растаяли. Вечно с ними проблемы, скажи?

– Ну, время еще есть.

Он кивнул.

– С нетерпением жду завтра. Люблю хорошие пироги. Но как только мы оказываемся в бальном зале, какой-нибудь парень с камерой подходит и спрашивает: «Что ты делаешь, Гарри?», а я отвечаю: «Готовлю пирог, разве не видно?» А потом он говорит: «Можешь повторить еще раз, как будто не отвечаешь на вопрос?» Это так глупо.

Это вызвало у нее смех. Потому что, если разобраться, это и впрямь было глупо.

– Ладненько. – Он неожиданно ей улыбнулся. – Не смею задерживать, друг.

– Вообще-то... – Ох, и зачем она на это согласилась? Это было глупо, ужасно и даже снисходительно. – Анвита хотела спросить, все ли у тебя в порядке? Ты один. Здесь. Сам по себе. И я тоже. Если только тебя это не раздражает. Но если что, это была ее идея. Правда.

Он посмотрел на нее своими карими большими растерянными глазами.

– Я в порядке, спасибо. Просто обедаю. Думаю, насколько сильно испортил начинку.

– Мне кажется, мы все ее испортили и теперь об этом думаем. – Слова продолжали сыпаться из Розалины вопреки ее воле. – Мы заметили, что ты обычно держишься в стороне. И не знаем, это твой выбор, или ты нас терпеть не можешь, или решил, будто мы тебя ненавидим, или, может, у тебя аллергия на скамейки для пикников, или... по какой-то другой причине.

– Ничего я такого не думаю. – Он засмутился сильнее. – Я решил, что у вас свои дела, и не хотел вам мешать.

– Ничего особенного. Скорее, это из-за... стола.

Он перевел взгляд с нее на стол, встревоженно нахмутив брови.

– Проблема в том, что я плохо умею общаться с несколькими людьми одновременно.

– А разве кто-то умеет?

– Ну... да. Мой приятель Терри всегда вытаскивает меня во всякие компании и постоянно говорит: «Эй, Гарри, что ты делаешь в углу, почему ни с кем не разговариваешь? Это Джим и Бренда, я с ними только что познакомился». Не знаю, как он это делает.

– Ясно, но ведь это Рики, Анвита и я. Ты с нами уже знаком.

– Но не общался со всеми вами сразу.

– Ой, идем. – Она протянула руку, и после минутного колебания он взял ее, позволив поднять себя. Его ладонь была теплой и мозолистой, и осознание того, что она отчасти оценила это, заставило ее почувствовать себя леди Чаттерлей.

– Все будет хорошо. Тебе не нужно ничего говорить, если не хочешь.

– Так в этом-то и проблема, а? Потому что в голове звучит голос: «Почему ты ничего не говоришь, почему ты ничего не говоришь, почему ты ничего не говоришь?»

Она лукаво посмотрела на него.

– Мне кажется, ты раздуваешь из мухи слона.

– Да. Наверно.

Они вернулись к группе. Гарри слегка волочил ноги, как заключенный, идущий на гильотину, или как ребенок к стоматологу.

– Хэй, – сказала Розалина с легким придыханием. – Я вернулась с Гарри.

Он сел рядом с Рики.

– Как дела, канонир?

Последовало долгое молчание.

– Извини. – Анвита бросила на Гарри потрясенный взгляд. – Это какое-то расистское оскорбление?

Гарри выглядел искренне потрясенным.

– Что? Нет. Канонир? Вулидж? Арс?

– Фанат «Арсенала», – объяснил Рики. – Что сказать? Люблю команды-победители.

– Есть вещи поважнее, чем победа, приятель. – В голосе Гарри звучала непривычная уверенность.

– В соревновательном спорте?

Гарри пожал плечами.

– Главное – преданность. Ощущать себя частью чего-то.

– Мне очень нравится, – перебила Анвита, – эта скучная беседа о спорте, в который я не играю, не смотрю и которым не интересуюсь.

– Прости, милая... э... друг... Анвита. – Гарри потянулся за несуществующей пинтой, а затем поспешно сложил руки на столе. – Как поживает твоя бабуля?

– Рада, что я участвую в шоу. Ей очень трудно не делиться этим со своими подругами.

– Да, моей тоже. Я такой: «Нет, ба. Я в контракте подпись свою поставил. Нельзя рассказывать. Даже Шейле с клуба лото».

Рики скомкал свою салфетку поверх бумажной тарелки и поставил на нее полупустую бутылку с водой, чтобы все не разлетелось.

– Моя мама слишком хорошо меня знает. Она меня очень поддерживает, но уверена, что я вылечу на третьей неделе.

В этот момент Розалина поняла, что она единственная, кто не внес свою лепту.

– Мои родители не особо любят реалити-шоу. Но Амели в восторге. Конечно, ей всего восемь, а я ее мама. Поэтому она до сих пор радуется, когда видит меня на камере видеонаблюдения в магазине.

В глазах Анвиты снова появился опасный, заинтересованный блеск.

– И твоим родителям совсем все равно?

Ответ на этот вопрос был сложным, и Розалина не знала, сможет ли сформулировать ответ, не говоря уже о том, чтобы поделиться им.

– Нет, им не все равно. Но не в хорошем смысле.

– Я понимаю, что ты имеешь в виду, – сказал Гарри. – Я даже не стал рассказывать об этом своим приятелям. Они бы просто охренели. Они все равно охренеют, но так, по крайней мере, мне не придется терпеть это несколько раз.

– Совет профессионала, – толкнул его локтем Рики, – скажи им, что выпечка привлекает девушек.

– Не там, где я живу.

– Ты работаешь не на ту публику, приятель. Поехали со мною в универ. Там тебя будут считать чувственным.

– Я передумала, – голос Анвиты прозвучал резко. – Пожалуйста, вернитесь к разговору о футболе.

* * *

Хотя режим съемок, ожидания съемок и ожидания уже стал ее второй натурой, Розалина не была уверена, что когда-нибудь привыкнет к судейству.

– Вполне достойно, – объявила Марианна Вулверкот, препарируя пирог Розалины с безжалостным энтузиазмом врача из фильма про медицину. – Но ничего особенного.

Ура. Ее спасла посредственность.

Опять.

Такими темпами выпечка образует ей новую дырку в заднице.

У Анвиты и Алена получилось превосходно. Флориан не дал начинке остыть перед тем, как выложить ее на основу, поэтому его выпечка стала кашей. А Рики, к удивлению всех, кроме самого себя, каким-то образом создал идеальное воплощение пирога, о котором ничего не знал.

– Понятия не имею, что произошло, – сказал он в своем интервью. – Никогда не слышал об этом пироге, никогда не видел, никогда не ел. Я понятия не имел, что делал. Но, наверно, это принесло свои плоды. Потому что я выиграл.

В отличие от него Флориан приуныл.

– Что ж, это была банальная ошибка с большими последствиями. На самом деле я плохо это воспринял. Я совсем не привык быть в жопе. Боже, а такое можно говорить по телевидению?

В своем интервью Розалина пробормотала: «Думаю, все прошло хорошо» шестью разными способами, стараясь не казаться совсем расстроенной, потому что у нее не было на то серьезных причин. Если предположить, что завтра она не облажается, или если у Флориана не все получится, ей ничего не угрожает. Но ей удалось доказать лишь то, что она не настолько плоха, чтобы ее исключили сразу. А это совсем не то же самое, что быть достойной победы.

– Ты в порядке, друг? – спросил Гарри, который тоже только что закончил говорить, что, по его мнению, все прошло нормально, но по крайней мере у него была возможность сказать это перед рододендромом.

Она вздохнула.

– Да. Мне не на что жаловаться, но я надеялась, что справлюсь лучше.

– Да, ты не выиграла. Но и не проиграла. – Засунув руки в карманы, он слегка ссутулился. – С такой стабильностью ты попадешь в полуфинал.

– Как скучная участница, которую так и не смогли выгнать.

Он одарил ее милой улыбкой.

– Эй, это ведь моя стратегия.

– Если уж на то пошло, – сказала ему Розалина, смеясь, – вряд ли тебя будут вспоминать как посредственность.

– Почему? А как, по-твоему, будут?

На это не было хорошего ответа. Хотя она и была рада игриво намекнуть, что его будут помнить как «горячего парня», она никак не могла сказать ему это в лицо.

– Спроси Анвиту.

Он стал забавно встревоженным.

– Теперь уж и не знаю, надо ли мне это.

– Нет, она... – В этот момент она увидела Алена, который выходил из гостиницы, и впервые за день смотрел на что-то, кроме своего рабочего места. На самом деле он смотрел на нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.